

John R.R. Tolkien
The Silmarillion

Джон Р.Р. Толкин
Сильмариллион

под редакцией Кристофера Толкина

в переводе
В. Маториной

Толкин: разные переводы (АСТ)

Джон Толкин
Сильмариллион

«АСТ»

1977

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Сильмариллион / Д. Р. Толкин — «АСТ», 1977 — (Толкин:
разные переводы (АСТ))

ISBN 978-5-17-135630-9

«Сильмариллион» – один из масштабнейших миров в истории фэнтези, мифологический канон, который Джон Руэл Толкин составлял на протяжении всей жизни. Свел же разрозненные предания Земель Белерианда воедино, подготовив текст к публикации, сын Толкина Кристофер. В данное издание вошел перевод В. Маториной.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-135630-9

© Толкин Д. Р., 1977
© АСТ, 1977

Содержание

О переводе	5
Предисловие	7
Айнулиндалэ	9
Валаквента	14
Квента Сильмариллион	19
Глава 1	19
Глава 2	24
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	48
Глава 10	57
Глава 11	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Джон Рональд Руэл Толкин

Сильмариллион

О переводе

Посвящается памяти Валерии Александровны Маториной

У перевода «Сильмариллион» В.А.М. (Валерия Александровна Маторина, аббревиатура-псевдоним) долгая история. Поразительно похожая на историю оригинала, который увидел свет благодаря сыну автора, Кристоферу, только через четыре года после смерти Толкина старшего. С тех пор минуло 40 лет... И уже четыре года, как не стало Валерии Александровны...

Моей матери – Валерии Александровне Маториной, родившейся в год первой публикации «Хоббита» (1937 год), при жизни так же не удалось издать свой перевод «Сильмариллиона». Она очень хотела, чтобы я нарисовал к переводу иллюстрации. И хотя я прочёл перевод в 90-х, но из-за плотного рабочего графика, успел сделать только несколько набросков шариковой ручкой, которые, к сожалению, не сохранились.

Как и оригинал «Сильмариллиона» Толкина, перевод книги создавался Валерией Александровной долго. Первые листы рукописи я держал в руках ещё в Горловке, в далёком 1985 году. Для Валерии Александровны это был необходимый подстрочник, позволявший точнее понять и передать суть фэнтезийных миров «Властелина Колец» и «Хоббита». Первая полная редакция «Сильмариллиона» в переводе В.А.М. была завершена в 1988 году (после переезда Валерии Александровны в Запорожье) и представляла собой большую, распухшую от многочисленных правок, на вклеенных листах альбомного формата, тетрадь, исписанную мелким правильным почерком.

Тетрадь эта в 1990 году, побывала в Красноярске на первой в Союзе ролевой игре по произведениям Толкина – Хоббитских Игрищах – 90. В 1991 году хабаровское издательство «Амур» планировало напечатать перевод в ежемесячнике «Публикатор», но ежемесячник прекратил своё существование и перевод опубликован не был.

В ноябре 1995 года в Провансе состоялась встреча Валерии Александровны с Кристофером Толкиным. После этого, зимой 1995–1996 года, в содержание перевода было внесено множество изменений, в том числе в имена персонажей, а текст был заново «начисто» перепечатан на печатной машинке. Вероятно, это была подготовка к очередному несостоявшемуся изданию... Один экземпляр перевода Валерия Александровна отправила Кристоферу в Прованс.¹

Последние правки были сделаны при наборе текста на компьютере. Компьютер появился через год после её переезда в Днепропетровск, в 1999 году. Устаревшую морально машину подарили благодарные ученики – программисты. Набор «Сильмариллиона» был для Валерии Александровны своеобразными «курсами» по освоению нового необходимого инструмента. Она не доверила свой текст никому...

В отличие от большинства современных переводчиков она никогда не пользовалась, не только автопереводом, но даже электронными словарями. Во всех литературных переводах Валерии Александровны главной целью всегда стояла не скорость исполнения, а правильность отражения содержания, стиля изложения, настроения автора. Классическое образование потомственного филолога, многолетняя практика, в том числе живое общение с носителями

¹ В. А. Маторина делала свой перевод по первой редакции «Сильмариллиона» 1977 года. В 1999 году во второй редакции «Сильмариллиона» Кристофером Толкиным в текст были внесены некоторые изменения. (Прим. ред.)

языка и множество прочитанных книг, позволяли добиться своеобразного «рекорда качества», за которым последовало заслуженное признание.

Большое спасибо всем, кто помог донести произведение русскому читателю.

Михаил Маторин

Москва, 2017

Предисловие

«Сильмариллион», издающийся четыре года спустя после смерти автора, – это повесть о Давних днях, о Первой эпохе мира. Во «Властелине Колец» шла речь о великих событиях конца Третьей эпохи, а легенды «Сильмариллиона» восходят к глубочайшему прошлому, когда в Среднеземье обитал первый Чёрный Властелин, Моргот, и эльфы Высокого Рода вели с ним войну, пытаясь вернуть Сильмарилы.

«Сильмариллион» не только повествует о событиях более давних, чем описанные во «Властелине Колец»; он сам, в основах своих концепций, является работой гораздо более ранней. Ведь эта рукопись уже существовала полстолетия назад, хотя не называлась тогда «Сильмариллионом». В потрёпанных тетрадах, начатых ещё в 1917 году, можно прочесть, подчас в карандашной скорописи, первые варианты центральных легенд этой мифологии. Но изданы они не были (хотя во «Властелине Колец» встречаются намёки на их содержание).

В течение всей своей долгой жизни отец не бросал работу над этой рукописью, и даже в самые последние годы ею занимался. И всё это время построение «Сильмариллиона» в виде объёмного повествования оставалось почти неизменным. Давным-давно он сформировался как предание и стал фоном и основой позднейших произведений. Но до постоянного текста было ещё далеко, и даже в некоторых основных идеях о природе изображаемого мира со временем кое-что менялось. Одни и те же легенды, по несколько раз пересказывались в разном объёме или в иной манере.

Шли годы, изменения и варианты в деталях и в более широком смысле так густо наслонились, так пронизали всё произведение, так всё усложнили, что казалось, что остановиться на чём-то окончательном просто невозможно. Более того, старые легенды (я говорю «старые» не только потому, что они относятся к давней Первой эпохе, а и по времени, когда отец их писал) стали хранилищем мыслей отца и средством их выражения. В том, что было написано позже, мифология и поэзия утопают в теологических и философских рассуждениях, отсюда совершенно другой тон.

Приводить этот труд в состояние, пригодное для печати, после смерти отца выпало мне. Мне стало ясно, что пытаться представить «Сильмариллион» как единую творческую работу, длившуюся полстолетия, т. е. собрать под одной обложкой столь разные материалы, означало бы лишь всё спутать ещё больше, и в этом хаосе потерялась бы сущность. Поэтому я решил выделить единый текст, подбирая и komponуя его части так, как мне казалось наиболее связно и логично. Особую трудность для меня представляли заключительные главы (начиная с описания гибели Турина Турамбара), ибо они пролежали много лет без изменений и в некоторых отношениях никак не гармонировали с лучше разработанными замыслами других частей книги.

Ни внутри «Сильмариллиона», ни в связях его с другими опубликованными произведениями отца не надо искать полной последовательности и согласованности; её нельзя достичь, или это обойдётся слишком дорого. К тому же отец сам считал «Сильмариллион» компилятивным произведением, конспективно сжатым, которое удлинилось со временем за счёт вливавшихся в него сведений из разнообразных источников (стихи, летописи, устные рассказы «сохранившиеся в фольклоре»). Фактическая история написания книги совпадает с этой концепцией; в основу легли ранние стихи и проза автора, а сама книга и есть, в некотором роде, конспект не только теоретически, но и по форме. Этим можно объяснить то ускорение, то замедление повествования, разную степень проработки деталей в разных главах, контрасты в точности описаний мест и мотивов (к примеру, подробное изложение событий в легенде о Турине Турамбаре, по сравнению с туманным и возвышенным рассказом о конце Первой эпохи, когда был разрушен Тангородрим и низвергнут Моргот); различия в тоне и манере изображения, отдельные неясности, несоответствия, местами некоторую бессвязность. Допустим,

«Валаквента» содержит сведения о ранних днях пребывания эльдар в Валиноре, но она переделывалась, и переделки привели к постоянным сдвигам во времени и сдвигам точек зрения, так что высшие силы кажутся нам то действующими в мире сейчас, то давними настолько, что уже исчезли и существуют лишь в воспоминаниях.

Вся книга называется, как было задумано, «Сильмариллионом», но в неё входит не только «Квента Сильмариллион» или собственно «Сильмариллион», а ещё четыре коротких произведения. «Айнулиндалэ» и «Валаквента», помещённые в начале, тесно связаны с «Сильмариллионом»; а «Акаллабет» и «О Кольцах Власти», добавленные в конце, – книги совершенно отдельные и независимые, это стоит подчеркнуть. Я включил их, ибо таково было ясно высказанное намерение отца. А от того, что они включены, история получает зачин от «Музыки Айнур», в которой начинается Мир, и доводится до отплытия Отнёсших Кольцо из гавани Мифлонд (Серой Гавани), в конце Третьей эпохи.

В книге очень много имён и названий, и я приложил полный список. Но число персонажей (людей и эльфов), которые играют важную роль в рассказе о Первой эпохе, совсем не велико, и всех их можно найти в генеалогических таблицах. В дополнение я привожу схему довольно сложного пути образования названий разных эльфийских племён, заметки о произношении, перечень некоторых основных элементов, входящих в имена, и карту. Следует отметить, что великие горы Эред Луин или Эред Линдон (Синие Горы), которые здесь изображены на востоке, в карте «Властелина Колец» оказываются на крайнем западе. В середине книги есть ещё малая карта: чтобы читателю с одного взгляда стало ясно, где располагались эльфийские королевства после возвращения нольдор в Среднеземье. Я не стал утяжелять книгу комментариями и аннотациями.

Отец оставил множество неизданных рукописей о Трёх эпохах описательного, лингвистического, исторического и философского характера, и я надеюсь, что некоторые из них со временем удастся опубликовать.

В решении трудной и сомнительной задачи подготовки текста к изданию мне оказал большую помощь Гай Кей, сотрудничавший со мной в 1974–1975 годах.

Кристофер Толкин

Айнулиндалэ

Музыка Айнур

Был Эру, Единый, кого в Арде называют Илюватар. Сотворил он сначала *айнур*, Святейших. Родились они из его мыслей и были раньше, чем *было сотворено*² всё остальное. Он говорил с ними и дал им мелодии, и они запели. Они пели ему, а он радовался. Но долго каждый айнур пел сам по себе, лишь изредка собирались немногие из них петь вместе, тогда все остальные слушали; ибо сначала каждый понимал лишь ту мысль Илюватара, от которой был рождён, и понимать своих собратьев они учились медленно. Но, вслушавшись, они постигали всё больше, росло их согласие, и крепла гармония.

Стало так, что Илюватар призвал к себе всех айнур и задал им мощную музыкальную Тему, раскрывая перед ними великое и удивительное, чего они ещё не знали. Красота и великолепие начала, и величие конца поразили айнур так, что склонились они перед Илюватаром и замолчали.

Тогда сказал им Илюватар:

– Желаю я, чтобы из той Темы, которую я объявил вам, вы в согласии сотворили Великую Музыку. Я возжёт в вас Негасимый Огонь, и пора вам показать свои силы. Попробуйте изукрасить эту Тему своими мыслями и тем, чем хочет каждый. Я же буду сидеть, и слушать, и возрадуюсь тому, как благодаря вам великая красота просыпается в песне.

И стали сливаться голоса айнур, звучавшие подобно арфам и лютням, трубам и горнам, скрипкам и органам, в бесчисленный хор. Так же, как люди в хоре поют словами, пели они без слов Великую Музыку, развивая Тему Илюватара. Бесконечные переливы мелодий сплетались в гармонии, улетаая в недоступные слуху дали, падали в глубины и взмывали ввысь, заполнили все места, где был Илюватар, и переполнили их, и эта музыка, и эхо этой музыки проникли в Пустоту, и не была она уже Пустотой.

Никогда больше не творили подобной музыки айнур. Говорят, что после конца Мира, хоры айнур и Детей Илюватара соберутся и сотворят музыку небывалую, ещё величественнее этой. Тогда Темы Илюватара прозвучат без украшений, рождаясь верными и великолепными, ибо все до конца поймут, что хотел в них сотворить Илюватар, и друг друга поймут в совершенстве, и зажжёт Илюватар их мысли тайным огнём, ибо будет доволен.

Пока же Илюватар сидел и слушал, и долго был доволен этим, ибо в музыке не было фальши. Но по мере того как развивалась Тема, в сердце Мелькора возникло желание вплести в неё свои мысли, и не всё в его воображении согласно было с Темой Илюватара, ибо стремился он усилить и возвеличить свою партию в хоре сверх того, что было ему отведено. Из всех айнур Мелькор был наделён наибольшей силой разума и даром познания, частицы талантов каждого из собратьев входили в его талант. Часто отправлялся он один туда, где была Пустота, в поисках Негасимого Огня, ибо всё сильнее хотел он пустить в Мир что-то, созданное им самим. Казалось ему, что Илюватар не думает о Пустоте, и думал он о ней сам, с нетерпением желая заполнить. Но Огня не находил, ибо был Огонь у Илюватара. Так Мелькор отдалялся от собратьев, оставаясь один, и рождались у него собственные мысли, не похожие ни на чьи другие.

Теперь он вплетал отдельные свои мысли в Музыку, и тут же вокруг него возникала дисгармония. Встревожились многие, бывшие рядом с ним, мысли их прервались, и музыка

² Сделалось. (В.А.М.)

нарушилась, а некоторые даже пытались настроиться на его лад, отойдя от своей начальной мысли. Разлад, внесённый Мелькором, распространялся; мелодии, звучавшие ранее, ломались, и Музыка стала взволнованным морем несогласованных звуков. Но сидел и слушал Илюватар до тех пор, пока словно буря разразилась вокруг его трона, словно чёрные волны в ярости бросались друг на друга, не желая успокаиваться.

Тогда встал Илюватар, и айнур увидели, что он улыбается. Воздел он руку левую, и новая Тема зазвучала в буре, похожая и непохожая на первую. Всё сильнее звучала она, и неведомая дотоле красота была в ней. Но неблагозвучие музыки Мелькора грянуло с новой силой и вступило с ней в спор. Война звуков стала такой яростной, что многие айнур испугались и петь перестали, так Мелькор овладел Музыкой.

Тогда снова встал Илюватар, и айнур увидели, что вид его суров. Воздел он руку правую, и о диво: третья Тема зазвучала в буре звуков, совершенно не похожая на предыдущие. Сначала была она тихой и приятной, тонкими ручейками звучали нежные мелодии, но буря не смогла их заглушить. Крепла новая музыка и звучала всё громче, всё глубже. Наконец, словно две совсем разные Музыки полились одновременно перед тронном Илюватара. Одна плыла неспешно, глубоко и широко, была она прекрасна, и великую красоту придавала ей бесконечная печаль, но она же и замедляла её течение. Другая сложилась сама по себе: была она громкой, с бесконечными повторами, тщеславие звучало в ней, и мало было гармонии, но скорее шумный унисон многих труб, выкрикивающих отдельные ноты. Громкостью голоса она пыталась заглушить другую музыку, но казалось, что самые ликующие её звуки подхватываются той, другой, поглощаются ею и сплетаются с торжественной печалью.

Когда борьба звуков достигла такой силы, что сотряслись стены чертогов Илюватара, и вздрогнула дотоле не потревоженная Тишина, в третий раз встал Илюватар, и страшен был его вид. Обе руки воздел он, и с последним аккордом, прозвучавшим глубже Бездны и выше Тверди, и пронзительно, как свет очей Илюватара, Музыка смолкла.

Тогда заговорил Илюватар, и сказал он:

– Могучи айнур, и самый могущественный из них – Мелькор. Но да знает он, и знайте все вы, айнур, что Я – Илюватар, и покажу я вам всё, что вы здесь пропели, дабы увидели вы, что сотворено вами. А ты, Мелькор, увидишь, что нельзя исполнить ни одной Темы, исток которой не был бы во мне, и нельзя изменить Музыку без моего согласия. Тот, кто вознамерится это сделать, лишь в том убедится, что он – орудие моё в сотворении вещей более удивительных, чем мог он себе вообразить.

Тогда испугались айнур, не поняв слов, обращённых к ним, а Мелькор устыдился, и тайная злоба от этого зародилась в нём. И поднялся Илюватар в полном блеске и пошёл прочь из мест, которые сотворил он для айнур. Айнур же последовали за ним. Дошли они до Пустоты, и сказал им Илюватар:

– Зрите свою Музыку!

И дав им зрение, ибо до того обладали они лишь слухом, показал им Видение. Увидели они перед собой новый Мир, был он кругл и находился в Пустоте, и не был частью её, и не падал. Смотрели они и удивлялись, а Мир будто жил и рос перед ними, и начиналась его история. Айнур на него смотрели в молчании, тогда снова обратился к ним Илюватар:

– Зрите свою Музыку! Вот ваши песни. Каждый из вас есть в этом Мире, в вещах и делах, задуманных мною для вас, хотя вам может казаться, что замыслы – ваши. А ты, Мелькор, найдёшь воплощение всех тайных своих мыслей и поймёшь, что они – лишь часть целого и призваны возвеличить его.

Много другого сказал тогда Илюватар. Айнур запомнили его слова и постигли многое, что было, есть и будет, и мало что от них скрыто, ибо каждому досталась доля в Музыке, сотворённой им. Но осталось нечто, чего они знать и видеть не могут, недоступное не только каждому из них отдельно, но и многим, если соберутся они на совет. Ибо никому не открывает Илюватар всего, и в каждой эпохе случается новое и непредвиденное, не бывшее в прошлом.

Вот так, в Видении, айнур, или Первым, открылся Мир, и в нём – то, о чём они не думали. Увидели они приход Детей Илюватара и уготованное для них место обитания, и удивились, поняв, что, создавая свою Музыку, трудились над сотворением этого места, но не знали, что был в том иной смысл, кроме достижения красоты. Ибо Дети Илюватара были задуманы им самим, они были в Третьей Теме его Музыки, и Тему эту он творил без айнур. Когда айнур их увидели, то полюбили, ибо были это создания, непохожие на них, незнакомые и свободные. Постигли айнур силу мысли Илюватара, воплощённую в его творениях, и ещё раз убедились в его мудрости, узнавая то, что, не будь воплощено, было бы скрыто даже от них.

Дети Илюватара – это эльфы и люди. *Первороджденные и Последовавшие за ними.* Выбрал Илюватар место им для обитания в глубинах Времени и в межзвёздных просторах с вечным движением огней в огромных чертогах Вселенной среди удивительных красот Мира. Такое место обитания могло бы показаться ничтожной малостью тому, кто подумает о бесконечной огромности Мира и величии айнур, способных воздвигнуть столп, взявши за основание всё поле Арды, и поднимать его ввысь, покуда не станет вершина его острее иглы. Но велика и поразительна также точность, с которой айнур могут лепить мельчайшие вещи в творимом ими Мире. Когда айнур увидели зрением то прекрасное, что сотворили они, и увидели, как дети Илюватара возникли там, даже самые могущественные из них обратили все свои мысли и желания к этому месту. И Мелькор был первым из них, как был он вначале первым и величайшим из тех, кто пел Великую Музыку. И обманул он всех, и поначалу даже сам себя, желанием пойти туда и привести всё в порядок на благо детей Илюватара, чтобы там не было ни слишком холодно, ни слишком жарко, а холод и жара делались там по его замыслу. Но на самом деле пожелал он подчинить эльфов и людей своей воле, завидуя дарам, которые Илюватар обещал им. Пожелал он сделать из них себе подданных и слуг, чтобы называли его Повелителем, и чтобы другие склонялись перед его волей.

Но другие айнур тоже смотрели на это новое обиталище в просторах Мира, которое эльфы называют Ардой или Землёй, и радовались свету, и любовались многими красками, но шум моря волновал их и тревожил. И увидели они все – воздух и ветры, вещества, из которых сделана Арда, железо и граниты, серебро и золото, и многое другое, но восхитила их превыше всего вода. *Эльдар* говорят, что в воде живёт эхо Музыки Айнур, и звучит оно в ней сильнее, чем во всём остальном на Земле. И многие дети Илюватара слушают голоса моря, и не наслушаются, но не ведомо им, что слышат они.

Тот айну, кого эльфы зовут Ульмо, обратил свои мысли к воде, и Ульмо лучше всех перебрал Музыку Илюватара. Воздух и ветры были задуманы благороднейшим из айнур – Манвэ. О тверди земной думал Аули, кому Илюватар дал знания и таланты, почти такие же, какие дал он Мелькору. Однако, высшая радость и гордость Аули – это радость созидания и гордость созданным, но не приобретённым. Творит он и раздаёт, и беззаботно переходит к новому творению, не обременяя себя обладанием.

Обратился Илюватар к Ульмо, и сказал:

– Не видишь ты разве, как Мелькор покушается на то, что в этой малости творения в глубинах Времени принадлежит тебе? Он измыслил жесточайший холод, но не разрушил красоту твоих источников и чистых водоёмов. Взгляни на снег, хитроумную работу мороза! Мелькор не положил предела огню и жару, но не умеет иссушить твои желания и заставить замолчать музыку моря. Обрати взор на гордые и великолепные облака, на изменчивые туманы;

послушай, как звенят созданные тобою дожди, падая на землю! В этих облаках ты ближе всего Манвэ, другу своему, которого любишь.

И отвечал ему Ульмо:

– Твоя правда, вода стала прекраснее, чем мечтало моё сердце, и снежинок такой красоты не задумывал я в тайных грёзах, и звон дождя не звучал так в моей музыке. Я найду Манвэ, и мы вместе станем творить мелодии Тебе на радость!

Так в Начале начал объединились Манвэ и Ульмо, вернее всех служа Илюватару.

Но едва успел тогда договорить свои слова Ульмо, как Видение Арды скрылось от взоров айнур, и предстало им новое: Мрак. Доселе не знали они его въяве, лишь подумать о нём могли. Остались они навек очарованы красотой юного Мира, раскрывшегося перед ними, и переполнены мыслями о нём. История его была ещё не завершена и круги времени не созданы, а Видение уже ушло, они его лишились, и говорили некоторые, что оно кончилось прежде, чем наступил закат Перворожденных и завладели люди тем, что было для них сделано. Ибо, хотя Музыка звучала, зрение валар не проникло в позднейшие эпохи и конец Мира.

Обеспокоились айнур. Но, обратившись к ним, сказал Илюватар:

– Мне ведомо ваше желание, чтобы всё это было на самом деле, а не только в ваших мыслях, и чтобы было оно такое же, как вы, и вместе с тем иное. Поэтому говорю я: Эа! Да Будет! И пошлю я в Пустоту Негасимый Огонь, и станет он сердцем Мира, и Будет Мир. Те из вас, кто пожелает, могут спуститься в него.

И вдруг увидели айнур далеко вдаль, словно живое пламенное сердце, окутанное облаком. И знали они, что это уже не Видение, а что создал Илюватар новый Мир, Который Есть: Эа!

Тогда одни айнур остались с Илюватаром за гранью Мира, а другие покинули Единого и спустились в Мир, и были среди них величайшие и прекраснейшие. Определил им Илюватар условие, которое стало частью их любви к Эа: власть их отныне ограничивалась этим миром; оставались они в нём навсегда до завершения его, ибо он теперь был их жизнью, а они жили им. И называются они с тех пор, *валар*, Силы мира, Владыки Арды.

Но когда пришли валар на Эа, изумились они сразу и растерялись, ибо ничто из того, что показало им Видение, не было закончено, а только начато, и было темно там, и бесформенно. Ибо Великая Музыка – всего лишь цветение мысли в вечных чертогах, где не существует Времени, а Видение – лишь предвестник. И вот настало для них Начало начал, и поняли валар, что Мир задуман, предсказан и был дан им в пред-тени и пред-песне, а теперь они должны всё сделать. И начались великие их труды в пустынях не меренных и неведомых, в веках бессчётных и забытых, пока в глубинах Времени и в огромных чертогах Вселенной-Эа – не наступил час, и было сделано воистину обиталище для Детей Илюватара.

Главную работу делали Манвэ, Аули и Ульмо; и Мелькор был там, в Начале начал, вмешиваясь во всё, что делалось, и, извращая содеянное так, как хотел, если ему это удавалось. Великие огни зажёл он, и горели они на Земле, и когда была она ещё молода и вся в огнях, Мелькор пожелал её себе и сказал другим валар:

– Моё владение здесь будет, и назову я его в честь себя!

Но Манвэ был измыслен Илюватаром как брат Мелькора, и Манвэ был главным инструментом Второй Великой Темы, которую задал Илюватар, чтобы задушить диссонанс, Мелькором внесённый. Призвал Манвэ многих больших и малых духов, и явились они в Арду и помогали Манвэ, дабы Мелькор не остановил и не задержал труды их, и Земля не увяла до того, как зацветёт. И сказал Манвэ Мелькору:

– Не возмёшь ты себе эту Землю во владение, несправедливо это, ибо многие трудились на ней не меньше, чем ты.

И была борьба между Мелькором и другими валар, и в тот раз отступил Мелькор, убрался в другие места и делал там, что хотел, в одиночестве; но не изгонял он из сердца своего желание сделать Арду владением своим.

Валар же стали придавать всему созданному формы и оттенки. Призвала их в Мир любовь к детям Илюватара, и ради них сами они постарались принять облик, который показало им Видение, только без того великолепия и величия, ибо тот получился из их знания о Мире, а этот – из самого Мира. Облик ведь им даже не нужен, он для них – как для нас одежды. Мы можем быть обнажены и существовать при этом; и валар, если захотят, могут существовать без обличья, но тогда даже эльдар их не видят. Если валар желают явиться в одежде, приобретают они формы, подобные мужам и жёнам, и так было задумано, что это они уже не выбирают, а изначально носят в себе тот или иной нрав, одеждой же лишь подтверждают его. Не всегда принимают Великие вид Властителей и Властительниц, правящих детьми Илюватара. Облачаясь в свои мысли, могут они быть как величественными, так и ужасными.

Много было помощников у валар, и малых, и почти таких же могущественных, как они сами. Все вместе трудились, приводя в порядок Землю и обуздывая хаос. Потом Мелькор увидел, что многое уже сделано, и что валар ходят по Земле в зримом облике и явленных миру одеждах, и что красивы они и величественны, и счастливы, а Земля становится садом им на радость, и волнения её утихли. Зависть в нём безмерно выросла, и принял он тоже видимый облик, но злоба, сжигавшая его, сделала этот облик тёмным и страшным. Спустился он в Арду, мощью и величием превосходя остальных валар, как гора, чьё подножье – в Море, а вершина – над облаками, и окутана эта вершина тучами, и одета льдом, но коронована огнём и дымом. Свет глаз Мелькора жёг, словно иссушающее пламя, и одновременно пронзал смертельным холодом.

Так началась Первая битва валар с Мелькором за владычество над Ардой.

О тех бурных событиях даже эльфы знают очень мало. То, что здесь рассказывается, известно от самих валар, с которыми встречались и говорили *эльдалиэ* в земле Валинор, когда валар учили их. Но о войнах, происходивших до появления эльфов, валар почти ничего не говорили. Эльдар поняли только, что валар сумели, вопреки козням Мелькора, всё это время править Землёй и готовить её к появлению Перворожденных. Они разглаживали землю, а Мелькор её разбрасывал; они выкапывали долины, а Мелькор поднимал их вверх; они вырубали горы, а Мелькор их валил; они заливали углубления морями, а Мелькор выливал их. Не было покоя, ибо едва валар начинали, что-нибудь делать, как Мелькор сразу старался всё разрушить, или хотя бы испортить. Но не напрасен был их труд. Несмотря на то, что ничто, сделанное валар, не получилось в совершенстве, и краски и формы, задуманные валар, оказались искажены, Земля всё-таки стала твёрдой и пригодной для обитания. Так, наконец, было сотворено обиталище для детей Илюватара в глубинах Времени в межзвёздных просторах.

Валаквента

Легенды эльдар о валар и майяр

Вначале был Эру, Единый, кого по-эльфийски называют Илюватар. Сотворил он *айнур*, духов из мыслей своих, и они пели перед ним Великую Музыку. В этой музыке начался Мир. Ибо сделал Илюватар песню айнур зримой, и увидели они Мир, как свет во мраке. И многие из них возлюбили его красоту и его историю, которая в Видении перед ними начиналась и разворачивалась. Тогда Илюватар сделал Видение Бытием, поместил его в Пустоте, и Тайный Огонь был послан гореть в сердце Мира, и всё это было названо Эа: Бытность или Вселенная.

Те айнур, которые пожелали её, вошли в Мир в Начале Начал. И должны были сделать всё так, как явилось оно им в Видении. Долго трудились они в разных местах Эа, огромность которой непостижима для эльфов и людей, и, наконец, в назначенное время была сотворена Земля, Арда. Облачились айнур в земные одежды и спустились на Землю, и жили на ней.

О Валар

Самых великих духов эльфы назвали *валар*, Силы Арды, а люди часто называют их богами. Семь владык-валар было, и семь владычиц-валиэр. Вот имена их на эльфийском языке, как произносились они в Валиноре, хотя эльфы Среднеземья называли их по-иному, а у людей было для них множество имён. Имена владык по порядку: Манвэ, Ульмо, Аули, Оромэ, Мандос, Лоризэн и Тулькас, а имена владычиц: Варда, Йаванна, Ниэнна, Эстэ, Вайрэ, Вана и Нэсса. Мелькор больше не упоминается среди валар, и имя его не произносится на Земле.

В мыслях Илюватара Манвэ и Мелькор были братьями. Самым могущественным из айнур, пришедших в Мир, был сначала Мелькор. Но Манвэ Илюватару дороже и лучше всех постигает его замыслы, и было ему назначено, когда исполнится срок, стать первым Королём из Королей: властителем Арды и владыкой всех, кто живёт на ней. Облака и ветры Арды – радость его, и воздушные просторы от высот до глубин, от горного покрывала Арды до тихих ветерков в траве. Прозвали его Сулимо – Повелитель Дыхания Арды. Быстрых птиц с сильными крыльями любит он, и прилетают они на его зов.

Вместе с Манвэ живёт Варда, Повелительница Звёзд, ей ведомы самые дальние уголки Эа. Столь велика её красота, что нет для неё слов ни у людей, ни у эльфов. Живой свет Илюватара сияет в её лице. Сила и радость её – свет. Из глубин Эа явилась она на помощь Манвэ. Мелькора знала она ещё до Великой Музыки, и отвергла его, и он ненавидел её и боялся больше, чем всех остальных, сотворённых Эру, Единым. Манвэ и Варда редко расстаются; обитают они в Валиноре, в высоком чертоге над вечными снегами на Ойолоссэ, вершине Таникветилия, высочайшей горы мира. Когда Манвэ с высокого трона смотрит вдаль, то видит дальше всех, если рядом с ним Варда, взгляд его проникает сквозь туманы, сквозь Тьму и за край огромного Моря. А если Манвэ рядом с Вардой, то слышит она лучше всех, слышит все голоса с востока до запада, с гор и из долин, и даже из затенённых мест, Мелькором омрачённых на Земле. Из всех великих владык этого мира эльфы превыше всего почитают Варду и любят её. Называют они её Элберет, зывают к ней из теней Среднеземья, и высоко летит величальная песня, когда славят они её на восходе звёзд.

Ульмо – Повелитель Вод. Один он. Нигде не живёт он подолгу, но плавает в глубинах на Земле и под Землёй. Могуч он, второй по силе после Манвэ, и были они ближайшими друзьями прежде, чем был сотворён Валинор. Но потом редко стал бывать он на советах валар, являлся

сказать своё слово лишь в споре о самых великих делах. Думает он беспрестанно обо всей Арде, нет ему отдыха, и не нужно ему места для отдохновения. Не любит он ходить по суше и редко одевается в земной облик, как другие, равные ему. Детей Эру при виде его охватывает великий страх, ибо выход из глубин Повелителя Морей ужасен: восстаёт он, как гигантская Волна, катящаяся на сушу, в тёмном шлеме, украшенном белой пеной, в сверкающей кольчуге, переливающейся от светлого серебра до тёмной зелени. Громкозвучны трубы Манвэ, но низкий голос Ульмо огромен и глубок, как глубины океана, которые изведаль лишь он один.

Однако эльфов и людей любит Ульмо, и не отступался от них, даже когда поражал их гнев валар. Иногда невидимым подплывает он к берегам или пробирается далеко вглубь суши по заливам и фьордам, и там играет музыку в большие рога – ульмури, их для него делают из белых раковин. Музыка эта западает в сердца тем, кому удаётся её услышать, и тяга к Морю поселяется в таком сердце и остаётся в нём навечно. Но чаще всего Ульмо говорит с обитателями Среднеземья голосами вод. Подвластны ему все реки, моря, озёра, родники и водопады, так что эльфы говорят, что дух Ульмо живёт в венах мира. Так Ульмо получает вести об Арде, её нуждах и печалях, когда не выходит из глубин, а потом рассказывает Манвэ о том, что узнал, иначе, многое не доходило бы до Манвэ.

Аули обладает чуть меньшей силой, чем Ульмо, но велик он также. Повелевает он всеми веществами, из которых сделана Арда. В Начале начал много трудился он вместе с Манвэ и Ульмо, это он вылепил форму Земли и всего твёрдого на ней. Кузнец он, и великий мастер всех ремёсел. Радует он любым искусным творениям рук, даже самым малым, не меньше, чем тому великому, что строилось в прошлом. Владеет он драгоценными камнями, скрытыми в глубинах Земли, и золотом, выходящим оттуда, чтобы руки детей Илюватара могли его достать, и стенами гор, и дном моря. Нольдор больше всего узнали от него, он всегда был им другом. Завидовал ему Мелькор, ибо Аули был во многом подобен ему, о многом думал так же, и обладал не меньшей силой и талантами. Долго соперничали они, Мелькор всё время стремился разрушить то, что делал Аули, и Аули устал чинить и восстанавливать, исправляя хаос, творимый Мелькором. И оба хотели создавать новое, о чём другие не думали, и оба радовались похвалам. Но Аули при этом хранил верность Эру, и всё, что ни делал, подчинял воле Единого; и не завидовал талантам остальных, а искал у них совета и сам охотно давал советы, в то время как Мелькор растрачивал силы на зависть и ненависть и дошёл до того, что не мог уже ничего творить, кроме издевательски изуродованных подобий того, о чём думали другие, и старался разрушать их труды.

Супруга Аули – Йаванна, Плоды Дарящая. Любит она всё, что растёт на земле, и помнит формы всего растущего, от тех деревьев, что стояли, как зелёные башни, в Давние Годы, до мхов в камнях и тайных ростков в почках. Почитают Йаванну вслед за Вардой как владычицу-валиэ. Является она в облике высокой женщины, одетой всегда в зелёное, но может принять и другой образ. Видели её, стоящую, словно Дерево с поднятой в небо верхушкой в солнечной короне, и она роняла с ветвей на голую землю золотую росу, и зеленела земля и колосились на ней травы. Корни дерева-валиэ уходили в воды Ульмо, и ветры Манвэ шептались в кроне. Эльдар прозвали её Кементари, Королева Земли.

Хозяева душ – Феантуры – братья, и зовут их чаще всего Мандос и Лориэн, хотя это не имена, а лишь названия мест, где обитают они. Настоящие их имена – Намо и Ирмо.

Намо, старший, живёт в Мандосе, на западе Валинора. Он – хозяин Домов Мёртвых, и это он сзывает к себе души убитых. Ничего он не забывает, знает всё, что должно быть; не знает лишь того, что не открыл никому Илюватар. Он – судья и пророк, но изрекает свои пророчества и вершит суд лишь по просьбе Манвэ. Вайрэ-Ткачиха, супруга его, ткёт всё, что было, и складывает в виде тончайших тканей, и когда их собирается столько, что проходящему веку нет пути дальше, век кончается, и начинается новый, а залы-хранилища Вайрэ расширяются вечно.

Ирмо – младший из братьев, подвластны ему все видения и сны. В Лориэне, в земле валар цветут его сады, прекраснейшие из всех садов в мире, и живут там многие духи. Нежная Эстэ-Целительница, супруга его, залечивает раны и отгоняет усталость. Одета она в серое, и великий дар её – отдых. Днём спит она на озере Лореллин на острове в тени деревьев и выходит оттуда лишь ночью. Источники Ирмо и Эстэ дарят свежесть и бодрость всему существу в Валиноре, и не устают пьющие из них. Валар часто приходят в Лориэн, находя там отдохновение от забот об Арде и облегчение в трудах.

Одна живёт сестра Феантуров Ниэнна. Ещё могущественнее она, чем Эстэ. Знает она горе и оплакивает каждую рану, нанесённую Арде Мелькором. Столь велика была её печаль, когда разворачивалась Великая Музыка, что песня её стала плачем, вплёлся этот плач в Темы Мира до того, как был создан этот Мир. Но плачет она всегда так, чтобы её слышали, и те, кто слышит, узнаёт сострадание и научается надежде. Дом её на самом крайнем западе, на границе Мира, и редко является она в Валимар, город радости. Чаше можно встретить её в залах Мандоса, что близко от её владений, и те, кто находится там, в ожидании взывают к ней, ибо даёт она силу духа и печаль обращает в мудрость. Окна её Дома смотрят в бесконечность из стен Мира.

Велика отвага Тулькаса, сокрушительна сила его рук, и получил он прозвище Астальдо, Отважный. Последним явился он в Арду, чтобы помочь остальным валар в первых битвах с Мелькором. Любит он помериться силой в любой борьбе, на коня не садится, ибо не нужен конь быстроному. Всех обгоняет он и не знает усталости. Золотом отливают борода его и кудри, кожа – красной медью, оружие его – руки. Не заглядывает он ни в прошлое, ни в будущее, не надо ждать от него совета, но друг он надёжный. Жена его – Нэсса, сестра Оромэ, гибкая, стройная и тоже быстроногая. Оленей любит она, и они следуют за ней, но бежит она быстрее и всегда перегоняет их, стремительная, как стрела, и в волосах её – ветер. Радость её – танец, на вечнозелёных полянах Валимара.

Велик Владыка Оромэ. Не так силён он, как Тулькас, но в гневе страшнее. Тулькас ведь всегда смеётся, в играх и в войнах, и даже сражаясь с Мелькором, смеялся он ещё до того, как родились эльфы. Оромэ любит земли Среднеземья, и покидал их неохотно, и последним вернулся в Валинор. В Давние дни часто ходил он через горы на восток, проводя войско своё по холмам и долинам. Он охотится на чудовищ и зловредных тварей, любит коней и собак, и любит деревья, за что и прозван был Алдароном, а синдар звали его Таурон, Повелитель Лесов. Нахар – имя его коня, белоснежного на солнце и отливающего серебром в ночи. Валарома – имя его большого рога, звук которого, то обдаёт жаркой радостью, словно красный восход солнца, то пронзает душу, как белая молния, рассекающая тучи. Громче всех рогов его войска пел голос Валаромы в лесах, которые взрастила в Валиноре Йаванна. Там Оромэ учил своих воинов и служащих ему животных преследовать зловредных тварей, пущенных в мир Мелькором. Жена Оромэ – младшая сестра Йаванны, вечно юная Вана. Там, где проходит она, цветы прорастают, а под взглядом её распускаются. Все птицы поют, возвещая её приход.

Вот такие имена носят валар и валиэр, и таковы различия между ними, если рассказывать коротко. Такими видели их эльфы в земле Аман. Красивые и благородные лики, в которых являлись они детям Илюватара, были всего лишь покровом истинной красоты и силы. Из всего, что знали эльдар, малая часть открыта здесь, но то, что знали они, – ничто в сравнении с тем, что такое валар на самом деле, ибо истинное бытие их уходит в дальние пределы Вселенной и в глубины Времени, недоступные нашей мысли.

Из владык-валар, девять обладали наибольшей властью и были особо почитаемы, но один выбыл из их числа, и осталось их восемь, это *аратар*, на Арде Святейшие: Манвэ и Варда, Ульмо, Йаванна и Аули, Мандос, Ниэнна и Оромэ.

Манвэ правит ими и ручается за их верность перед Эру, но в величии своём они равны и превосходят всех остальных валар и майяр, и вообще всех, кого Илюватар послал в Эа.

О майяр

Вместе с валар в Эа явились другие духи, того же порядка, что и валар, но менее могущественные. Это *майяр*, подчинённые валар, слуги валар и помощники. Эльфам неизвестно их число, и немногие получили имена на языках детей Илюватара, потому что в земле Аман майяр показываются, ибо живут там, а в Среднеземье редко являются в видимом эльфам и людям облике.

Главные из майяр в Валиноре, чьи имена помнит история Давних дней, – это Ильмарэ, прислужница Варды, и Эонвэ, знаменосец и герольд Манвэ, самый умелый во владении оружием и величайший воин в Арде. Но детям Илюватара лучше всех знакомы Оссэ и Уинэн.

Оссэ – вассал Ульмо, хозяин морей, омывающих берега Среднеземья. Он не забирается в глубины, а любит побережья, шельфы и острова, черпает радость в ветрах Манве; штормы веселят его, и в рёве волн слышен его смех. Жена его Уинэн, морская госпожа, полощет волосы во всех морях под небом. Добра она ко всем созданиям, живущим в солёных потоках, и ко всем травам, растущим в солёных водах. К ней взывают мореходы, ибо может она успокаивать волны, обуздывая буйство Оссэ. Нуменорцы долго жили под её защитой и почитали её наравне с валар.

Ненавидел море Мелькор, ибо не мог его покорить. Говорят, что при создании Арды он пытался привлечь Оссэ на свою сторону, обещая ему власть и все владения Ульмо за службу себе. Началось тогда в море великое волнение, и много бед причинило оно прибрежным землям. Но Уинэн, по просьбе Аули, обуздала Оссэ и привела его на суд к Ульмо. Был Оссэ прощён и снова стал верен Ульмо, и сохранил эту верность навсегда. Но радость в буйстве ищет он тоже всегда, и время от времени по своей воле взъяряет море без ведома господина своего Ульмо. Поэтому те, кто живёт близ моря или водит корабли, любят Оссэ, но не доверяют ему.

Мелианой звали майя, которая служила двум валиэ – Ване и Эстэ. Прежде, чем прийти в Среднеземье, она долго жила в Лориэне, ухаживала за деревьями, цветущими в садах Ирмо. Поющие соловьи всегда сопровождали её.

А мудрейшим из майя был Олорин. Жил он тоже в Лориэне, но пути его часто приводили в дом Ниэнны, у неё учился он состраданию и терпению.

О Мелиане в книге «Квента Сильмариллион» говорится много, но об Олорине там не рассказывается, ибо хотя он любил эльфов, долго бродил среди них невидимым, либо в облике одного из них, и мог направлять их сердца, но тогда не знали они, откуда к ним являются прекрасные видения и как приходят мудрые решения. Позднее стал он другом всех детей Илюватара и сочувствовал им в горестях, а те, кто внимал ему, переставали отчаиваться, и мрак в их душах рассеивался.

О врагах

Последним назван Мелькор, или Тот, Кто Восстаёт Могучим. Но этого имени он лишился, и нольдор, из эльфов больше всех пострадавшие от его зловредности, не произносят его, а называют его Моргот, Чёрный Враг Мира. Великую мощь дал ему Илюватар, был он ровесник и ровня Манвэ. В знаниях и талантах его были частицы знаний и талантов всех остальных валар, но применял он их во зло и растратил силы на жестокости и насилие. Ибо

домогался он власти над Ардой и над всем, что было в ней, желал сравниться с Манвэ и править владениями всех остальных валар.

Был он велик и пал от высокомерия и презрения ко всему и всем, кроме себя, дух тщеславный и безжалостный. Пытаясь всё исказить и применить во зло, он столько раз, используя знания, прибегал к хитрости, что стал бесстыдным лжецом. Начал он с того, что желал Света, но не мог завладеть им единолично, тогда он воспылал гневом и спустился в великий Огонь и глубокий Мрак. Во мраке творил он козни против Арды, и исполнилось всё живое страха перед Мраком.

Восстал он оттуда столь могучим, что в забытые века поспорил с Манвэ и, состязаясь со всеми валар, долгие годы правил в Арде многими местами на Земле. И был он не одинок. Многие майяр потянулись к нему, когда был он великолепен в дни своего величия, и остались с ним в годы, когда окутался он Тенью. Иных он совратил и заставил служить себе при помощи лжи и предательских даров. Ужаснейшими из духов, служивших ему, были *валараукар* с огненными бичами, которых в Среднеземье звали демонами силы и ужаса – *балрогами*.

Среди тех его слуг, кто носил имена, самым могущественным был Саурон или Гортхаур, Бессердечный, эльдар называли его так. Сначала был он майя из дома Аули, искущён был в науках и ремёслах. Во всех деяниях Мелькора-Моргота в Арде участвовал он, в больших и малых хитростях, и уступал своему хозяину лишь в том, что долго служил не себе, а другому. В последние годы поднялся он тенью Моргота и призраком его злобы и пошёл за ним по гибельному пути в Великую Пустоту.

НА ЭТОМ КОНЧАЕТСЯ «ВАЛАКВЕНТА»

Квента Сильмариллион

История Сильмариллов

Глава 1

Об изначальных днях

Мудрые говорят, что Первая война началась раньше, чем полностью *была сотворена*³ Арда, и задолго до того, как там выросло первое растение и по земле прошло первое существо. Долго перевес был на стороне Мелькора. Но в разгаре войны пришёл на помощь валар дух великой смелости и необычайной силы. В дальних небесных пределах услышал он, что в Малом Государстве сражаются, и вскоре над всей Ардой раскатился его хохот. Тулькас могучий явился так. Гнев его налетел буйным ветром, разгоняя тучи и гоня перед ними тьму прочь; от его гнева и его смеха бежал Мелькор, покинул Арду, и долго был на ней мир и покой. Тулькас остался одним из валар на Арде; Мелькор же бродил в Окружающей темноте и возненавидел с тех пор Тулькаса навеки.

Валар тогда привели в порядок моря, и земли, и горы, и Йаванна посадила, наконец, семена, давно ею измысленные. И нужен стал свет, ведь огни были потушены или загнаны под первозданные горы. К Аули обратилась Йаванна, и изготовил он два светильника больших, чтобы освещать Среднеземье, которое слепил он внутри Окружающего моря. Наполнила Варда их, и благословил их Манвэ, и валар укрепили их на высоких столбах, выше всех гор, которые были тогда и после того. Один светильник подняли они над северным Среднеземьем, и был он назван Иллуин; а другой подняли над югом, и ему дали имя Ормал. Свет из светильников валар залил всю Землю, и настал день без ночи.

Тогда семена, посаженные Йаванной, быстро дали ростки, поднялись из земли травы и мхи, и высокие папоротники, и деревья, чьи кроны, как живые горы, были увенчаны облаками, а корни уходили в зелёный полумрак. Звери пришли и поселились в зелёных долинах, в реках и озёрах, и в тени лесов. Но ни один цветок ещё не расцвёл, и ни одна птица не пропела, ибо цветы и птицы ещё ждали своего часа в груди Йаванны, но об изобилии уже подумала она, и нигде не было столь изобильной жизни, как в самой середине Земли, где свет обоих светильников, встречаясь, сливался. И там, на острове Альмарен посреди Большого Озера устроили себе валар первое жилище, когда мир был молод, и новорожденная зелень казалась чудом создателям её; и долго были они довольны.

И случилось так, что пока валар отдыхали от первых трудов, следя, как растёт и развивается всё, что ими было заложено и начато, объявил Манвэ великий пир; стали собираться валар со своими помощниками на тот пир по его зову. Лишь Аули и Тулькас не спешили. Устали они, ибо мастерство Аули и сила Тулькаса служили всем безотказно в дни трудов. Мелькор же знал обо всём, что сделано было, ибо и тогда у него были тайные сторонники и шпионы из тех майяр, которых он привлёк и совратил; далеко во мраке завидовал он труду равных себе, которых хотел и не сумел превзойти и подчинить; и ненависть переполнила его. Собрал он духов-приспешников своих из чертогов Эа, и объявил, что он силён. Решил он, что время его пришло, приблизился к Арде, посмотрел на неё сверху, и красота весенней земли вызвала в нём ещё большую ненависть.

Валар же тем временем собрались на Альмарен и не боялись зла, ибо в свете Иллуина не замечали тени, лёгшей на север Земли. А была то Тень, отбрасываемая Мелькором, ибо

³ Сделалась. (В.А.М.)

стал он тёмнен, как ночь в Пустоте. Поётся в песнях, что на том пиру в первую весну Арды получил Тулькас в жёны Нэссу, сестру Оромэ, и танцевала она для всех валар на зелёных травах Альмарена.

Усталый и счастливый, заснул Тулькас, и Мелькор решил, что пробил его час. Переступил он со своим войском через Стены Ночи и явился на дальнем севере Среднеземья, и не ведали валар про то. Стал Мелькор копать и строить, и за тёмными горами, где лучи Иллуина были слабы и холодны, глубоко под землёй построил себе огромную крепость. Назвал он свой оплот Утумно. Ещё ничего не знали о нём валар, а губительное дыхание ненависти Мелькора уже исходило оттуда, омрачая весну Арды. Болели и гнили растения; от ила и водорослей задыхались реки; появились смрадные болота; в ядовитых испарениях заводились тучи гнуса; темнели леса и страх поселялся в них. Рогатыми и клыкастыми становились звери, и кровь их пролилась на землю. Поняли, наконец, валар, что Мелькор не бездействует, и стали искать его убежище. Но тут сам Мелькор, надеясь на силу своих слуг и несокрушимость Утумно, внезапно начал войну. Не успели валар подготовиться к первому удару, и повалил Мелькор столбы со светильниками, разбил Иллуин и Ормал. Падая, мощные столбы изуродовали всю землю вокруг, и всплеснулись возмущённые моря; а когда разбились светильники, вытекло из них на землю разрушительное пламя. Нарушилось равновесие вод и суши на Арде, исказились её формы так, что сделанное не могло уже возродиться вновь, и первые замыслы валар не могли воплотиться.

Всё смешалось, настала тьма и взревела буря, в ней над грохотом моря услышал Мелькор голос Манвэ и ощутил, как дрожит земля под ногами Тулькаса, и бежал. Не успел догнать его Тулькас, скрылся он в Утумно и залёг там, а валар не смогли тогда его побороть, им нужны были силы, чтобы остановить волнение Земли и спасти от разрушения те плоды своего труда, которые ещё можно было спасти. Снова переделывать Землю и разрывать её валар боялись, не зная, где проснутся дети Илюватара в срок, пока скрытый от них.

Так кончилась первая Весна Арды. Обиталище валар на Альмарене было полностью разрушено, на лице Земли не осталось места, где они смогли бы жить. Покинули они Среднеземье и перенеслись в Землю Аман, самую западную окраину мира, за которой вздыхало Окружающее море, эльфы позднее назвали его Эккайя. Одни лишь Валар знают, сколь широко оно; за ним смыкаются Стены Ночи. Восточные же берега земли Аман омывало своим дальним краем Великое Западное море, Белегаэр. Пока Мелькор, вернувшись, был в Среднеземье, и пока не могли валар одолеть его, укрепили они своё новое обиталище и подняли на морском берегу горы Пелори, высочайшие в земле Аман. А над всеми горами Пелори одна вознеслась выше всех, и поставил Манвэ себе трон на её вершине. Имя Таникветиль дали эльфы той святой горе, и Ойолоссэ, что значит Вечноснежная, и Элеррина, Звёздами Увенчанная, и множество других имён. Синдар позднее называли её на своём языке Амон Уйлос. Из высоких чертогов на Таникветиле Манвэ и Варда видели всю Землю, и даже самый дальний восточный её край.

За стенами Пелори сделали валар себе страну, получила она имя Валинор. Были там их дома, и сады, и башни. Собрали валар в той бережённой земле свет, какой был, и всё прекрасное, что спасли от разрушения, и сделали много вещей ещё прекраснейших. Стал Валинор красивее даже, чем Среднеземье в дни Первой Весны Арды, и был он благословен, ибо жили в нём бессмертные, ничто там не увядало и не старело, не было пятен ни на листьях, ни на цветах, и сами камни и воды были благословенны.

А когда стал Валинор страной с домами, построили валар в середине его в долине за горами себе столицу, Вальмар многозвонный. Большой зелёный холм поднимался перед его западными воротами, именуемый Эзеллоар, и ещё Короллайр, сама Йаванна благословила его. Села она на верху его в зелёную траву и запела волшебную песню, вложив в неё все свои мысли обо всём растущем на земле. А Ниэнна рядом думала молча, и слёзы её орошали холм. Собрались валар слушать песню Йаванны у золотых ворот Вальмара, составив троны в Кольцо Судеб, Маанаксар, и Йаванна Кементари пела, а они сидели и молча ждали.

И пока молчали они, а Йаванна пела, и кроме её песни в тот час ни звука больше не раздавалось в мире, два тонких побега раздвинули травы на холме, стали расти, и росли, и превратились в высокие красивые деревья, и зацвели. Так пробудила их к жизни Йаванна, и из всего сотворённого ею было то – самое большое чудо. Когда же сложились Песни о Давних днях, были то легенды о судьбе Двух Деревьев Валинора.

На одном из них выросли листья темнозелёные сверху и светлосеребристые снизу, и множество цветов его роняли росу серебряного света, а на земле под ним, и вокруг него, танцевали в этом свете тени его трепещущей листвы. На другом дереве листья были светлые, как нежная зелень юных берёз, только края их сверкали золотой каёмкой. С ветвей его, словно жёлтые факелы, свисали грозди цветов, падал с них на землю золотой дождь, и золотое тепло и свет излучало всё Цветущее Дерево. Называли потом в песнях эти Деревья Тельперион и Лорелин. Тельперион ещё называли Сильпион и Нинквелот, а Лорелин – Малинальда и Кулуриэн, и ещё много других имён у них было.

За семь часов каждое Дерево раскрывало цветы, зацветали они и цвели полным цветом, и увядали в ничто. За час перед тем, как меркло одно из них, просыпалось другое, и так дважды в сутки наступали в Валиноре ласковые тихие сумерки, когда оба Деревья светили не в полную силу и золотые лучи одного смешивались с серебряными лучами другого. Дерево Тельперион было старшим из двух, и первым выросло и расцвело. И тот первый час серебряной зари валар называли часом Начала, и от него стали считать годы и века правления своего в Валиноре. На шестом часу Дня Первого и всех последующих радостных дней, покуда Валинор не накрыла Тень, Тельперион закрывал цветы. А на двенадцатый час отцветал Лорелин. День у валар в Амане длился двенадцать часов и кончался, как и начинался, светлыми сумерками, когда увядал Лорелин и расцветал Тельперион, и снова смешивался неяркий свет обоих Деревьев. Росы же, упавшие с них, долго ещё светились, пока их не уносил ветер или не поглощала земля. Эти росы Тельпериона и золотой дождь Лорелина собирала Варда в большие чаны, и сияли они озёрами по всему Валинору, служа валар колодцами для воды и источниками света. Так начались благословенные дни Валинора, и так начался Счёт времени.

Сменялись века, приближая час, назначенный Илюватаром для прихода Перворожденных. В сумерках лежало Среднеземье под звёздами, сотворёнными Вардой за нечисленные годы её трудов в Эа. И была Темнота, где обитал Мелькор, часто выходя оттуда в разных обликах, но всегда в облике сильном и страшном. Творил он холод и пламя на вершинах гор и в глубоких пещерах-подземельях под ними, и во всех жестокостях тех дней он был повинен.

Валар в Среднеземье являлись редко. Почти не покидали они красоту благословенного Валинора, оставались там за горами Пелори, отдавая всю любовь и заботу своей земле. В середине Благословенного Края стоял Дом Аули, и трудился он там, не уставая. Открыто и тайно сотворил он много прекрасных вещей; почти всё в Валиноре, что имеет форму, им сделано. От него же идёт знание о Земле и обо всём, что в ней. Это знание учёных, кто ничего не изготав-

ливаает, но пытается понять, что есть что, и наука мастеров, которые ткнут, режут дерево и куяут металл, и опыт землелашцев и скотоводов, хотя всех, кто выращивает и пользуется плодами, учила также жена Аули, Йаванна Кементари. *Другом нольдор* был позднее назван Аули, ибо у него учились они и перенимали ремёсла, став лучшими умельцами из всех эльфов. Нольдор многое добавили от себя к его науке, ведь Илюватар наделил их талантами, любили они чужие языки и книги, искусны были в шитье, и в рисовании, и в резьбе по камню. Нольдор первыми научились выделять драгоценные камни; самыми изумительными из всех камней были Сильмарилы, но они пропали.

Верховнейший и святейший из валар, Манвэ Сулимо сидел в Земле Аман, но не забывал о Внешних Землях. На вершине мира, на горе Таникветиль стоял его высокий трон, а гора та стояла у Моря. Духи слетались в его чертоги и разлетались оттуда орлами и ястребами, и их зоркие глаза видели, что делается в глубинах морей и в тайных пещерах под горами. Приносили они ему вести о том, что происходило в Арде, но не всё открывалось Манвэ и слугам Манвэ, ибо Мелькор с чёрными мыслями засел там, где властвуют непроницаемые тени.

Велик Манвэ, но не думает он о своём величии, и не завидует никому, и не страшится потерять власть. Хочет он лишь мира. *Ваньяр* из эльфов больше всех любил он, и дал им песни и стихи, ибо слагать стихи – радость для Манвэ, и музыка слов для него равна музыке песен. Одет он в синее, сини лучистые глаза его, и сапфировый жезл изготовили для него нольдор. Сделал его Илюватар своим наместником, Королём из королей в мире валар, эльфов и людей, главным защитником их от Зла, принесённого Мелькором. Вместе с Манвэ живёт Варда Прекраснейшая, кого синдар на своём языке называют Элберет, Королева Валар, Звёзды Творящая. И большое войско есть у них, из благословенных духов.

А Ульмо одинок. Никогда не жил он в Валиноре, и приходил туда лишь на большой совет. Окружающее море стало домом его, как только родилась Арда, и поныне он обитает там. Правит он всеми текущими водами, речными потоками, отливами и приливами, наполняет источники, насылает дожди и увлажняет росами все земли под небом. Погружаясь в глубины, думает он о музыке, и создаёт музыку великую и ужасающую, эхо её перекачивается по венам мира радостью и печалью; ибо радостен родник или водопад, искрящийся под солнцем, но печален источник его под корнями Земли, и грустен глубокий колодец. Телери многому научились у Ульмо, его печальные чары стали частью их музыки. С ним вместе на Арду пришёл Сальмар, который делал для него такие рога и трубы, что кто хоть раз их слышал, не забудет; с ним также пришли Оссэ и Уинэн, кому он отдал внутренние моря и прибрежные воды, и ещё много духов пришли с ним. Властью Ульмо жизнь продолжалась даже в темноте, окружившей Мелькора, ибо тайные жилы питают землю и не умирает она; всех, кто заблудится в той темноте и потеряет путь к свету валар, услышит Ульмо, ибо никогда не покидал он Среднеземье, и не покинет до конца мира, думая о нём и спасая его.

Йаванна тоже не хотела навсегда расставаться с Внешним миром, когда наступили Тёмные годы: ведь всё растущее дорого ей, и оплакивала она каждое творение своё, каждое растение, повреждённое Мелькором. Часто уходила она из дома Аули, покидая цветущие луга Валинора, чтобы залечить раны, нанесённые Мелькором Земле; а возвращаясь, каждый раз просила валар пойти войной на его владения прежде, чем появятся Перворожденные. И Оромэ, укротитель диких животных, время от времени спускался в затенённые леса могучим охотником с луком и копьём, преследуя и убивая чудовищ и злобных тварей Мелькора, и белый конь его Нахар мчался в ночи, разрывая мрак серебряной стрелой. Вздрагивала спящая земля под ударами его золотых копыт, и гудел в долинах Арды большой рог Валарома; эхом отзывались горы, разлетались злобные тени, сам Мелькор съёживался в Утумно, предчувствуя для себя беду. Но возвращался Оромэ в Валинор, и снова собирались к Мелькору, разбежавшиеся было слуги, и снова полнилась земля предательскими тенями.

Вот всё о Земле и правителях её в Изначальные Дни, после которых мир стал таким, каким узнали его Дети Илюватара. Ведь Дети Илюватара – это эльфы и люди, и если они не до конца поняли ту Тему, с которой вошли в Великую Музыку, айнур ничего не могут изменить. Валар для Детей Эру не владыки и хозяева, а скорее старшие среди них, и лишь, поэтому вожди. Если айнур пытаются заставить эльфов или людей делать то, чего те не хотят, ничего хорошего не выходит, сколь добрыми ни были бы намерения. Общаются айнур чаще с эльфами, ибо Илюватар сделал эльфов похожими на них, только мельче и слабее; а люди получили от него совсем другие дары.

Говорят, что после ухода валар с Арды наступила в мире тишина, и целый век сидел Илюватар, задумавшись. Потом заговорил он, сказав:

– Воистину возлюбил я Землю, предназначенное обиталище для квенди и атани! Но будут квенди прекраснейшими из всех земных созданий и получают они и умножат красоту, которой не дам я другим моим Детям; и будут они в этом мире счастливее всех, а атани получают другой дар.

И пожелал он, чтобы душою люди стремились за грань мира и не находили покоя, но дал им силы самим строить свою жизнь в мире среди всего, что в нём есть, и творить свою судьбу отдельно от Музыки айнур, которая есть судьба всего остального; и так должно происходить, пока мир не будет завершён до мельчайших форм и деяний.

Знал Илюватар, что в бурях мира люди будут часто заблуждаться и нарушать гармонию. И сказал он:

– Те, кто воспользуется моими дарами неправильно, поймут в своё время, что этим тоже приумножат славу мою.

Эльфы уверены, что люди часто огорчают Манвэ, который лучше всех знает мысли Илюватара. Ибо кажется эльфам, что люди больше похожи на Мелькора, чем на остальных айнур, хотя Мелькор их ненавидит и всегда боялся даже тех, которые ему служили.

Дар свободы людям и детям их – в том, что живут они в мире очень недолго, и не привязаны к нему, и скоро его покидают, отправляясь в неизвестные эльфам края. Эльфы же остаются и не умирают, пока не умрёт их мир. Любовь их к земле и к своему миру неделима, сильна и горька, и чем дольше они живут, тем больше в этой любви печали. Правда, эльфа можно убить, и может он погибнуть от горя, но смерть эта кажущаяся, как и та, что наступает через тысячу тысяч лет, если они устанут за это время от жизни. Уходят они, сохранив красоту и силу, и собираются в Залах Мандоса в Валиноре, откуда могут и вернуться. А люди и дети людей умирают по-настоящему и уходят из мира навсегда. Поэтому называют их гостями и странниками. Смерть – их судьба, дар Илюватара, которому с течением времени начинают завидовать даже Владыки мира. Но Мелькор омрачил этот дар своей тенью, очернил проклятой темнотой, превратил добро в зло, надежду в страх. Однако валар в Давние дни объявили эльфам в Валиноре, что люди вступят в Хор, когда будет твориться Вторая Великая Музыка айнур. А что уготовил Илюватар эльфам после конца мира, не сказал он, и Мелькор тоже ничего не узнал.

Глава 2

Об Аули и Йаванне

Говорят, что гномов сотворил Аули в самом начале, когда Среднеземье было темно; ибо столь велико было желание его возыметь детей-учеников, которых мог бы он научить своему искусству, передав им знания, что не стал он ждать исполнения замыслов Илюватара. И сделал он гномов такими, какие они есть и сейчас, ибо не знал точно, каковы будут Дети Илюватара, когда придут, и хотел, чтобы его дети были крепкими и нестигаемо выносливыми, ибо Мелькор ещё властвовал на Земле. Боясь, что другие валар не одобряют его работу, он всё делал тайно, в подземельях под горами Среднеземья. Там он вылепил и выковал Семерых Отцов гномьих племён.

И вот узнал Илюватар о том, что сделано, и заговорил с Аули в тот же час, когда Аули завершил свой труд и радовался, и уже начал учить гномов языку, который сам придумал для них. Услышал Аули глас Илюватара, прервал своё занятие и замолчал. А Илюватар сказал:

– Зачем ты это сделал? Почему взялся за то, что тебе не по силам и не по чину? Ты ведь знаешь, что получил от меня в дар лишь одну свою жизнь; созданные тобою творения смогут жить лишь по твоему указу, будут движимы мыслью твоей, а если перестанешь думать о них, то и замрут в бездействии, и без тебя жить не будут. Ты этого хотел?

И ответил Аули:

– Повелевать я не хотел ими. Я хотел, чтобы были рядом другие создания, кроме меня, и я мог любить и учить их, дабы постигали они красоту Эа, измышленную тобой. Ибо мне кажется, что на Арде много места для тех, кто сможет ей радоваться, а она ещё почти вся пуста, и создания, живущие на ней, немые. В нетерпении своём ошибался я. Но ведь созидание заложено мне в душу тобой: дитя, повторяющее в игре замыслы отца, творит это не в насмешку, а именно потому, что оно дитя этого отца. Что же делать мне теперь, чтобы ты не гневался? Я могу отдать сделанное тебе, как сын отдал бы игрушки отцу. Делай с ними, что хочешь. А может быть, мне лучше самому разбить их, в глупой самонадеянности созданных?..

Взял Аули большой молот, чтобы разбить гномов, и заплакал при этом. Но сжалился Илюватар над Аули, простил его за раскаяние. А гномы отскочили от молота, испугавшись, опустили головы и стали просить милости. И прозвучал снова голос Илюватара:

– Принял я твою работу, как только ты закончил её. Разве не заметил ты, что у этих созданий уже своя жизнь и говорят они собственными голосами? Иначе не смогли бы они уклониться от твоего удара и безропотно подчинились бы воле твоей.

Опустил Аули молот и был рад, и благодарил Илюватара, говоря:

– Да благословит Эру работу мою и да исправит её!

Но Илюватар сказал:

– Так же, как дал я жизнь мыслям айнур в начале Мира, выполняю я желание твоё и найду в этом Мире место творениям твоим; но исправлять работу твоих рук не буду, ибо что сделано, то сделано, и таким останется. Не потерплю же я одного: чтобы явились эти прежде, чем явятся Перворожденные, задуманные мною, и не положена тебе награда из-за нетерпения твоего. Пусть они спят в темноте под камнем и не выходят, пока не проснутся на земле Перворожденные. И ты жди, сколь долгим ни покажется тебе ожидание. Придёт время, разбуду я их, и станут они детьми тебе; и будут часто несогласия и распри между твоими и моими, между детьми, мною усыновлёнными, и детьми, мною задуманными.

Взял тогда Аули Семерых Отцов гномьих племён и положил их на покой в разных местах; сам же вернулся в Валинор и ждал там, и годы казались ему долгими.

Аули творил гномов в дни владычества Мелькора, и сделал их сильными. Поэтому они крепки, как камень, упрямы, надёжны в дружбе и непоколебимы во вражде, переносят тяжё-

лый труд, голод и телесные повреждения легче всех остальных народов, наделённых речью. Живут они долго, гораздо дольше людей, но не вечно. Раньше эльфы в Среднеземье думали, что, умирая, гномы возвращаются в землю и камень, из чего сделаны. Но сами гномы в это не верят и говорят, что Мастер, кузнец Аули, которого зовут они, Махал, заботится о них и собирает их в отдельном чертоге Мандоса. И ещё говорят, что в Конце Всего, как объявил он их Отцам в древности, призовет их Илюватар и даст им место среди своих Детей. Будут они тогда служить Аули и помогать ему переделывать Арду после Последней Битвы. Говорят они также, что Семеро Отцов гномьих племён время от времени возвращаются к своему народу и снова носят древние имена; самый знаменитый из них – Дарин, отец дружественного эльфам племени, чьи владения назывались Казад Дум.

Когда, как известно теперь, Аули трудился над сотворением гномов, он таил свои труды от остальных валар. Но, в конце концов, открыл жене своей Йаванне всё, что *произошло*⁴. Тогда Йаванна ему сказала:

– Милостив Эру. Вижу я, как радо твоё сердце, и есть тебе чему радоваться; ибо получил ты не только прощение, но и награду. Оттого же, что скрывал ты всё от меня до самого конца, дети твои не смогут полюбить то, что я люблю. Больше всего возлюбят они то, что сделают своими руками, как и отец их. Будут они зарываться в землю, а того, что растёт на ней, беречь не станут. Многие деревья безжалостно покалечат они железными орудиями.

Но отвечал ей Аули:

– Так будут поступать и Дети Илюватара; ибо им надо будет есть и строить. То, чем владеешь ты, имеет свои достоинства, и если бы никакие дети не явились, было бы ценно само по себе. Но Эру даст пришедшим место для обитания, и будут они пользоваться всем, что найдут в Арде, и возблагодарят за это Эру, как задумал он.

– Если Мелькор не омрачит Тенью их сердца, – сказала Йаванна.

Ибо была она встревожена и печалилась в душе, страхась того, что может быть в Среднеземье в грядущем. И пошла она к Манвэ, и не выдала всего, что сказал ей Аули, но произнесла:

– Владыка Арды, правду ли говорил Аули, что когда явятся Дети, то завладеют они плодами труда моего и будут делать с ними, что хотят?

– Правду, – отвечал Манвэ. – А почему ты спрашиваешь, ведь ты и без Аули всё это знаешь?

Помолчала Йаванна, углубившись в собственные мысли. Потом ответила:

– Потому что в нетерпении моё сердце и беспокойно оно в ожидании грядущего. Всё, что сделала я, мне дорого. Разве не достаточно того, что Мелькор уже так много испортил? Неужели ничто из созданного мною не спасётся от власти других?

– Если дать тебе волю, что сохранила бы ты? – спросил Манвэ. – Что тебе дороже всего во владениях твоих?

– Всё дорого, – сказала Йаванна. – И всё дополняет друг друга. Но *кельвар* могут защищаться или улететь, а *ольвар* растут в земле и поэтому не могут. Из них же больше всего я люблю деревья. Долго они растут, и быстро можно их срубить, и если не платят они дань, роняя плоды с ветвей, мало кто их жалеет. Вот моя мысль: можно ли сделать так, чтобы деревья говорили от имени всех, кто связан с землёй корнями, и карать тех, кто причинит им зло?

– Странная мысль, – сказал Манвэ.

⁴ Сделалось. (В.А.М.)

– Но ведь это было в Песне, – сказала Йаванна. – Пока ты был на небе и вместе с Ульмо творил тучи и выливал из них дожди, я поднимала ветви больших деревьев навстречу твоим дождям, и под звон их и шум ветра некоторые из них пели, обращаясь к Илюватару.

Молча сидел Манвэ, а мысль Йаванны росла и разворачивалась в его душе, и узнал её Илюватар. Тогда Манвэ показалось, что песня ещё раз возникла и звучит вокруг него, и заметил он многое в этой песне, что раньше слышал, но не замечал. Наконец, и Видение снова возникло перед ним, но было оно не далеко, а рядом и вокруг, и сам он был частью его, и на руке Илюватара всё держалось. Потом рука вошла в Видение, и стали выходить из неё чудеса, скрывавшиеся от него дотоле в сердцах айну.

Потом пробудился от этого Манвэ, спустился к Йаванне на Эзеллоар и сел рядом с ней под двумя Деревьями. И сказал Манвэ:

– О, Кементари, вот что изрёк Эру: «Неужели валар думают, что я не услышал всей Песни, даже тишайшего звука её, спетого еле слышным голосом? Знайте же и не пропустите: когда проснутся и явятся Дети, мысль Йаванны тоже проснётся и призовет духов издалека, и будут ходить они среди *кельвар* и *ольвар*, а некоторые поселятся среди них и будут достойны почтения, и страшен будет справедливый гнев их. Но будет то лишь малое время, пока Перворожденные сильны, а Последовавшие за ними юны». Вспомни теперь, Кементари, что ты не всегда пела свою песню одна. Вспомни, как твоя мысль встретила с моей, и летели они рядом, словно две большие птицы, над облаками? Это тоже слышал Илюватар, и прежде чем проснутся Дети его, вылетят в мир быстрее ветра на мощных крыльях Орлы Повелителей Запада.

Рада была Йаванна, и встала она, воздев руки к небесам, и сказала:

– Высоко вырастут деревья Кементари, чтобы Орлы Короля из королей гнездились на них!

Манвэ встал тоже, и показалось Йаванне, что необыкновенно высок он, и голос его доходит до неё оттуда, где лишь ветры летают:

– Нет, – сказал он. – Лишь деревья Аули достаточно высоки для их гнездовий. В горах поселятся Орлы и оттуда услышат голоса взывающих к ним. А в лесах будут бродить Пастухи Деревьев.

Тогда расстались Манвэ и Йаванна, и вернулась Йаванна к Аули. Был он в кузнице, выливал расплавленный металл в формы.

– Щедр Эру, – сказала она. – Пусть теперь поберегутся твои Дети! В лесах появится сила, которая погубит их, если они прогневят её.

– Всё равно им понадобятся дрова, – сказал Аули и продолжал работать.

Глава 3

О появлении эльфов и пленении Мелькора

Много долгих веков счастливо прожили валар в свете Двух Деревьев за горами земли Аман, а всё Среднеземье в это время погрузилось в звёздные сумерки. Пока горели Светильники Валар, земля начала покрываться растениями, но не росли они больше, ибо стало темно. Однако старейшее из живущего не погибло: уцелели гигантские водоросли в море и огромные деревья на земле, под которыми залегли тени; в долинах, у подножий объятых мраком гор, жили тёмные твари, сохранившие древнюю силу. Редко приходили валар в эти леса и долины, лишь Йаванна и Оромэ спускались туда. Бродила Йаванна в тенях и печалилась, ибо растения замерли. Весна Арды прошла, её обещания не спешили сбываться. Тогда погрузила Йаванна в сон многое из того, что создала, чтобы не старело оно и не угасало, а дождалось пробуждения, когда свершится задуманное.

Мелькор же на севере копил силы и не спал, а трудился и следил за всем. Злобные твари, которых он сделал из добрых зверей, изуродовав их, бродили по Арде, и тёмные чудовища таились в дремлющих лесах. В Утумно собрал Мелькор демонов, первыми примкнувших к нему, когда был он ещё велик и хорош. По мере того, как он развращался, становились они похожими на него: огонь заменил им сердце, окутались они мраком, ужас шёл перед ними, и пламенные бичи были у них. *Балпрогами* назвали их позднее в Среднеземье. И множество других чудовищ выпестовал Мелькор в то тёмное время, разнообразных по виду и размерам, и долго потом тревожили они мир. Владения же свои Мелькор расширял на юг.

А близ северо-западного побережья Великого Моря построил Мелькор ещё одну крепость с большой оружейней, чтобы отразить любое нападение из земли Аман, чего он всегда боялся. Саурон, полководец Мелькора, распоряжался там; название той крепости было Ангбанд.

Стало так, что валар собрались на совет, ибо встревожили их вести с Внешних Земель, которые принесли Йаванна и Оромэ. Обратилась Йаванна ко всем валар и сказала:

– О, могучие властители Арды, Видение Илюватара было кратким, его слишком скоро отняли у нас, так что вряд ли сможем мы угадать в малом числе дней назначенный Час. Но знайте: час этот близок, надежды наши сбудутся уже в эту эпоху, скоро проснутся Дети. Неужели мы оставим им для обитания опустошённые земли, в которых поселилось Зло? У нас есть свет, неужели им придётся блуждать во тьме? Неужели назовут они Повелителем Мелькора, пока Манвэ восседает на Таникветиле?

И закричал Тулькас:

– Не будет этого! Начнём войну, немедленно! Мы слишком долго отдыхаем после битвы, разве силы наши не восстановились? Что же он один вечно будет победителем?

Манвэ просил Мандоса сказать своё слово, и сказал Мандос:

– Дети Илюватара в самом деле придут в эту эпоху, но ещё не пришли они. Судьба Перворожденных – явиться в темноте, и сначала они должны увидеть звёзды. Когда будет Большой Свет, наступит пора их угасания. На Варду будет их надежда, к ней станут взывать они в нужде.

Тогда Варда покинула совет и стала смотреть во тьму с высот Таникветиля, и увидела тёмное Среднеземье среди бесчисленных звёзд, далёких и слабо светящихся. И начались великие труды её. Не знали таких трудов валар с тех пор, как пришли на Арду. Взяла она серебряные росы Тельперииона из больших чанов, куда собирала их, и сделала новые звёзды, ярче прежних,

чтобы встретить Перворожденных. И за это, та, чьё имя в глубинах времени, при творении Эа, было Тинталлэ, Зажигающая Огни, была потом названа эльфами Элентари, Королева Звёзд. Сотворила она тогда красную звезду Карнил и синюю звезду Луинил, а также Нэнар и Лумбар, Элеммирэ и сияющую Алкаринквэ; а многие из прежних звёзд расставила знаками на небесах Арды так, что получились созвездия: Вильварин (Бабочка), и Телумендиль, и Соронумэ, и Анаррима, и Менельмакар (Небесный Меченосец) с сияющим поясом, который предвещает Последнюю Битву в конце мира. А высоко над севером, своей волей, раскачала она корону из семи крупных звёзд Валакирк, Серп Валар, знак рока, вызов Мелькору.

Говорят, что лишь окончила Варда свои труды, а были они долгими, и впервые вышел в небо Менельмакар, и синий огонёк Хеллуина замерцал над пограничными туманами мира, в тот самый час проснулись Дети Земли, Перворожденные Илюватара. Под звёздами на берегу Куивиенэна, Озера Пробуждения, восстали они от сна. Ещё молчали их уста, но первое, на что устремили они взгляд свой, были звёзды небесные. С тех пор и навсегда полюбили они звёздный свет и почитают Варду Элентари превыше всех валар.

Мир менялся, искажалось лицо Земли, и переделывались очертания морей; реки не сохранили изначальных русл, даже горы не остались прежними. И нет возврата к озеру Куивиенэн. Но эльфы утверждают, что далеко на северо-востоке Среднеземья сохранилось оно, как залив Внутреннего моря Хелькар; а это море получилось на месте корней горы-столба Иллуин, когда Мелькор вырвал и повалил его. Потекли туда воды с многих восточных высот, и первое, что слышали эльфы, был шум бегущей воды и звон струй, стекающих с камня.

Долго жили Перворожденные в первом своём доме у воды под звёздами, и ходили по земле, удивляясь ей. Потом заговорили они и стали давать имена всему, что видели. Себя они называли *квенди*, то есть Говорящие голосами, ибо не встречали ещё никого, кто мог бы говорить или петь.

Потом случилось так, что Оромэ на охоте заехал далеко на восток, повернул к северу вдоль берега Хелькара, и проскакал под тенью красных восточных гор Орокарни. Вдруг громко заржал и встал, как вкопанный, конь его Нахар. Удивился Оромэ, замер на коне, и показалось ему, что тишину земли под звёздами нарушают поющие голоса.

Так валар, как бы случайно, обнаружили, наконец, тех, кого давно ждали. Смотрел Оромэ на эльфов и удивлялся им, как чуду неожиданному и необыкновенному. С тех пор валар всегда так удивляются, являясь на Эа из своего бытия вне Мира. Всё может быть предсказано в Музыке и предвидено в Видении, но сбывшись, каждый раз кажется новым, неожиданным и непредсказуемым.

Сначала Старшие Дети Илюватара были гораздо выше и сильнее, чем стали потом. Но красота их с тех пор не уменьшилась, она до сих пор жива на Заокраинном Западе, ибо квенди были и тогда прекраснее всего, что создал Илюватар, и выжили, обогатившись мудростью и печалью, от чего красота их стала тоньше и возвышеннее. Оромэ квенди понравились, и он их назвал на их собственном языке *эльдар*, что означает Звёздный народ. Но это название сохранилось лишь за теми, кто потом последовал за ним на Запад.

А многие квенди пришли в ужас, когда его увидели: виноват в том был Мелькор, который всегда за всем неусыпно следил, первым заметил пробуждение квенди и послал злых духов шпионить за ними и хватать их из засад в насланных им же тенях. И за несколько лет до появления там Оромэ уже случалось так, что если кто-нибудь из эльфов удалялся от остальных один или с малым числом соплеменников, исчезали они и не возвращались. Так впоследствии рассказывали мудрые, а тогда квенди говорили, что их поймал Охотник, и страшно было им. В самом деле, в древнейших песнях эльфов, эхо которых ещё звучит иногда на западе, пелось о тенях, бродивших между гор у Куивиенэна и иногда закрывавших звёзды, и о тёмном Всаднике на бешеном коне, который хватает и пожирает заблудившихся. Злобно ненавидел Мель-

кор Оромэ и боялся его наездов, поэтому подсылал к эльфам своих слуг в образе тёмных всадников и распространял лживые слухи, чтобы квенди бежали от Оромэ, если встретят его.

Так и было. Когда Нахар заржал и Оромэ явился, многие квенди спрятались, а иные далеко убежали и пропали. Но те, у кого хватило смелости остаться, быстро поняли, что Великий Всадник прискакал не из Тьмы, ибо свет земли Амана был в его лице; и благороднейшие из эльфов потянулись к нему.

Что же стало с теми несчастными, кого заманил в ловушку Мелькор, никто точно не знает. Кто из живущих спускался в колодцы Утумно, кто узнал мрачные тайны Мелькора? Мудрейшие в Эрессее считали, что все квенди, попавшие в руки Мелькора, когда жил он в Утумно, попали в его тюрьму, и там, в медленной муке, при помощи злодейских чар и коварного мастерства он изуродовал их и поработил; там было выращено им отвратительное племя *орков*, из зависти к эльфам, чьими злейшими врагами они стали потом. Ибо орки живут и множатся, подобно Детям Илюватара, но не мог бы Мелькор сотворить никого живущего самостоятельно, после того как нарушил Великую Музыку в Начале начал, так говорят мудрые. Кроме того, глубоко в чёрных сердцах орков заложена ненависть к Хозяину, которому служат они из страха. Если он создал не их самих, а лишь их несчастье, то это самое подлое и самое ужасное деяние Мелькора, и самое ненавистное для Илюватара.

Оромэ прожил недолго среди квенди, а потом поскакал назад в Валинор, по земле и через Море, и принёс вести о том, что видел, в Вальмар. Сказал он там и о тенях, которые тревожили Куивиенэн. Возрадовались валар, но сомнения и тревоги омрачили их радость. Долго держали они совет, что сделать, чтобы оградить квенди от теней Мелькора. А Оромэ сразу же вернулся в Среднеземье и стал жить с эльфами.

Долго сидел Манвэ в раздумии на Таникветиле и советовался с Илюватаром. Потом спустился в Вальмар, призвал всех валар в Кольцо Судеб, туда явился даже Ульмо из Окружающего моря. И сказал Манвэ всем валар:

– В сердце моем желание Илюватара: мыслю я, что надо нам снова овладеть Ардой, чего бы это ни стоило, освободить квенди от тени Мелькора.

Рад был Тулькас, но опечалился Аули, предвидя новые раны, которые получит мир в этой борьбе. Собрались валар и вышли из земли Аман большим войском, решив разгромить твердыни Мелькора и положить конец его владычеству. Мелькор так и не забыл, что война велась из-за эльфов, и не простил им то, что они стали причиной его падения. Но сами эльфы в тех деяниях не участвовали и мало что знают о походе Западных Владык на враждебный Север в начале своей судьбы.

Мелькор встретил войско валар на северо-западе Среднеземья, и всё там было разгромлено после первого недолгого боя. Валар одержали малую победу, а слуги Мелькора бежали от них в Утумно. Тогда валар пошли к Куивиенэну и поставили там стражу, и поэтому квенди ничего не могут рассказать о великой Битве Духов, они только слышали и чувствовали, как стонала и сотрясалась под ними земля, видели, как реки меняют русла, и видели огни на севере, словно большие пожары. Долгой и изнурительной была осада Утумно, и не одно сражение произошло перед воротами твердыни Мелькора, но об этом до эльфов дошли только слухи. Среднеземье тогда изменило формы, и Великое Море, отделявшее его от земли Аман, стало ещё шире и глубже. В одном месте на юге прорвалось оно на сушу, и получился там большой залив. От Большого залива на юге до Хелькаракса на крайнем севере, где ближе всего от Среднеземья до земли Аман, образовалось множество новых малых заливов. Залив Балар самый главных из них, в него потекла могучая река Сирион, питаясь потоками с ново-вздыбленных гор Дорфо-

ниона и с гор, окруживших Хифлум. Дальние северные земли тогда превратились в пустыни, ибо Мелькор выкопал своё убежище Утумно очень глубоко, а в колодцы-входы нагнал вооружённых слуг, которые встречали противника всеуничтожающим огнём.

Но всё же, наконец, главные ворота Утумно удалось разбить; своды внутренних помещений были провалены, а сам Мелькор укрылся в самой глубокой пещере. Извлёк его оттуда сильнейший из валар Тулькас и боролся с ним, и повалил его лицом вниз. Связали Мелькора цепью, которая звалась Ангайнор, Аули выковал её, и увели в плен. Был после того на Земле мир долгие века.

Однако не смогли валар проникнуть во все огромные пещеры и глубокие подземные убежища под крепостями Ангбанд и Утумно. Они их даже не разыскали. А в убежищах тех осталось много зловредных тварей, и много их разбежалось по пустыням и попряталось в разных тёмных местах мира, ожидая нового злого часа. И Саурон скрылся так, что его не нашли.

Когда же Битва закончилась и от северных руин поднялись большие тучи и закрыли звёзды, валар повлекли Мелькора на цепи, со связанными руками и ногами и завязанными глазами назад в Валинор; доставили его в Кольцо Судеб, и лежал он там ниц под ногами Манвэ и молил о прощении; но его мольбу не принял Манвэ, и бросили его в темницу Мандоса, откуда никто не может бежать, ни вала, ни эльф, ни смертный человек. Большие и крепкие там подвалы, на крайнем западе земли Аман. Три века должен был просидеть там Мелькор, потом снова предстать перед судом и просить прощения.

А валар опять собрались на совет и не могли прийти к согласию. Ибо одни, во главе с Ульмо, считали, что квенди надо оставить в Среднеземье одних, пусть они живут свободно, ходят, где хотят, и сами, как могут, по способностям своим и умению, залечивают раны земли и приводят всё в порядок. Но большинство валар боялись, что в обманчиво сумрачном мире, освещённом лишь звёздами, это опасно. Красивые квенди полюбились им, и захотели они с ними дружить. Наконец, решили валар призвать всех квенди в Валинор, пусть вечно живут у ног Владык в свете Двух Деревьев. И молчавший дотоле Мандос изрёк:

– Да будет так. Судьба решена.

И много бед произошло потом от этого приговора.

Сначала эльфы вовсе не хотели внимать призыву валар и исполнять их волю, ибо видели их лишь в великом гневе войны и страшились их, не боясь одного Оромэ. Оромэ и послали к ним, и он выбрал из них троих доверенных, чтобы явились они в Валинор от имени всего народа. Были это Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, впоследствии ставшие королями. Прибыв в Валинор, пришли они в благоговейный трепет, увидев Великих валар, восхитились светом величественных Деревьев и пожелали жить здесь. Отвёл их Оромэ назад к Куивиенэну, и говорили они с народом своим, убеждая всех отправиться на Запад по зову валар.

Тогда впервые разделились эльфы. Родичи Ингвэ и большинство родичей Финвэ и Эльвэ послушались своих вождей и охотно последовали за Оромэ. Именно с тех пор стали их звать *эльдар*, ибо так называл их Оромэ в самом начале на их языке. Но многие отказались идти в неведомое, предпочтя звёздный свет и просторы Среднеземья слухам о Деревьях. *Авари*, Отказавшимися стали они зваться; отделились они тогда от эльдар и встретились с ними лишь через много веков.

Стали эльдар готовиться к великому Походу с первой своей родины на востоке. И разделились на три племени. Меньшее из трёх племён первым вышло в путь; вёл его величайший вождь эльфийского народа Ингвэ. Привёл он своё племя в Валинор и сел у ног валар, и все эльфы почитают его. Назад он не вернулся и ни разу не смотрел на Среднеземье издали. *Ваньяр* назвались его подданные, любимое племя Манвэ и Варды. Это племя Красивых эльфов, мало кто из людей видел их и говорил с ними.

За ними пришло в Валинор мудрое племя *нольдор*, народ Финвэ. Это Глубинные или Мудрые эльфы, друзья Аули. Много песен про них сложено, ибо долго трудились они и героически боролись в старину в северных землях.

Самое большое племя пришло последним. Были это *телери*, Отставшие, ибо задерживались они по пути, неохотно покидая свои сумерки, не спеша менять их на свет Валинора. Вода притягивала их, и те, которые подошли к западным берегам, сразу и навсегда полюбили Море. Морскими эльфами стали их называть в земле Аман, или *фальмари*, ибо нравилось им играть и петь у кромки прибоя. Два вождя было у них, ибо их самих было много: Эльвэ Синголло (что значит Серый Плащ) и брат его Ольвэ.

Вот такие три рода *эльдалиэ* перебрались на Заокраинный Запад в дни расцвета Двух Деревьев и получили общее прозвание *калаквенди*, Эльфы света. Были эльдар, не дошедшие до конца Похода, ибо в долгом пути кто отстал, кто потерялся, кто задержался на берегу Среднеземья: почти все они принадлежали к племени телери. Сердца их с тех пор обращены к Западу, но жить они остались в лесах, в горах и возле Моря. Калаквенди называют их *уманьяр*, Не бывшие в Аманы, ибо они не дошли до Благословенной Земли; вместе с Авари получили они ещё прозвание Эльфов тени, или Тёмных эльфов, *мориквенди*, ибо так и не удостоились увидеть Свет, бывший в мире раньше Солнца и Луны.

Говорят, что когда племя эльдалиэ, как большое войско, уходило от Куивиенэна, впереди скакал Оромэ на Нахаре, и золотые подковы были у его белого коня. А когда шли они вдоль моря Хелькар к северу и повернули по берегу его на запад, где над руинами, оставшимися от Великой войны, ещё висели чёрные тучи, закрывая весь север, и не было видно звёзд, то многие убоились, передумали, вернулись назад и были забыты.

Долго шли эльдар на запад, много гонов бессчётных по Среднеземью перемеряли их усталые ноги, по тропам и бездорожью. Труден был путь. Не спешили эльдар ещё и потому, что удивлялись всему, что видели, и не в одном месте хотели бы остановиться, и много речных берегов звали их отдыхать; хотели они продолжать путь и страшились конца его. Поэтому, когда изредка покидал их Оромэ, имея другие дела по дороге, останавливались они сразу и не шли дальше, пока он не возвращался, чтобы их вести. Не один год шли так эльфы, и, наконец, прошли огромный лес и оказались на берегу большой реки. Была эта река шире всех, виденных ими, и за ней высились горы, чьи острые вершины, казалось, втыкались в звёздные поля. Говорят, что то была река, которую потом называли Великим Андуином, и была она всегда границей между восточными и западными землями Среднеземья. А горы назывались Мглистыми горами, и ещё Хитаэглир, Башни Тумана; стояли они на границе Эриадора и были в те времена гораздо выше, чем сейчас, и страшнее, а воздвиг их Мелькор, чтобы преградить путь Оромэ. Долго стояли телери на восточном берегу Великой реки и захотели там остаться. Ваньяр и нольдор перешли Реку, и Оромэ повёл их по горным тропам. Когда же скрылся Оромэ из виду, телери подняли глаза на вершины в тумане, и страх объял их.

Тут выступил один из рода Ольвэ, всю дорогу шедший последним: Ленвэ звали его. Не захотел он идти на запад, свернул к югу и пошёл вдоль берега Великой реки, и увёл за собой многих, и долгие годы соплеменники ничего не знали о них. А из них сложилось племя *нэндор*, Вернувшихся, совершенно отдельное, и были они похожи на других эльфов лишь тем, что любили воду и селились у водопадов и речек. Они лучше всех других эльфов разбирались в травах, знали всё про птиц и животных. В более поздние годы сын Ленвэ Дэнетор всё-таки обратил свои помыслы к Западу и провёл часть своего племени через горы в Белерианд незадолго до восхода луны.

Ваньяр и нольдор, наконец, перешли Синие Горы Эред Луин, которые отделяли Эриадор от западных земель Среднеземья, впоследствии названных эльфами Белериандом. Первые отряды их пересекли долину Сириона и спустились к берегу Великого Моря между заливом Балар и заливом Дренгист. Но когда увидели они, как огромно Море, великий страх охватил их, и многие отступили в леса и на холмы Белерианда. Тут Оромэ оставил их всех и вернулся в Валинор к Манвэ за советом, как быть дальше.

Телери к тому времени всё-таки перебрались через Мглистые горы и прошли Эриадор. Эльвэ Синголло торопил их, ибо желал скорее оказаться в Валиноре и снова увидеть Свет. Не хотел он расставаться с нольдор, ибо крепкая дружба была у него с их вождём, Финвэ. И вот, хотя и не сразу, а через много лет, телери оказались в Восточном Белерианде, одолев горы Эред Луин. Здесь остановились они, и некоторое время прожили на берегу реки Гэлион.

Глава 4

О Тинголе и Мелиане

Мелиана была майя, а майяр тоже относились к валар. Жила она в садах Лориэна, и в целом народе там не было никого красивее Мелианы, умнее её и искуснее в заклинательных песнях. Говорят, что если в час затаённого света, когда смешивались лучи Двух Деревьев, пела в Лориэне Мелиана, валар бросали работу, птицы в Валиноре смолкали, звоны Вальмара затихали и ручьи переставали журчать. Соловьи всегда сопровождали её, и она учила их новым песням. Больше всего любила она густые тени под большими деревьями. Была она сродни самой Йаванне и родилась до того, как был сотворён мир. Когда на берегу Куивиенэна пробудились квенди, покинула она Валинор, ушла в Ближние Земли и оживила предрассветную тишину Среднеземья своей песней и голосами своих птиц.

Кончался Поход народа телери, и остановились они на отдых уже в восточном Белерианде, за рекой Гэлион; многие нольдор в то время дошли до западных лесов, позднее названных Нельдорет и Регион. Эльвэ, вождь телери, часто уходил в лес, надеясь разыскать друга своего Финвэ, вождя нольдор; и однажды забрёл он один в освещённый звёздами лес Нэн Элмот, и вдруг услышал, как поют соловьи. Очарованный, замер он на месте, и тут издали до него донёсся голос Мелианы, ещё более дивный, чем песни *ломелинди*, и в изумлённое сердце его вошло незнакомое желание. В ту минуту забыл он о том, зачем шёл, забыл о своём народе, последовал за птицами в тень деревьев, вошёл в глубь Нэн Элмота, и не стало его видно. А дошёл он до открытой поляны, где стояла под звёздами Мелиана. Из темноты посмотрел он на неё, и свет Амана был в её лице.

Не сказала она ни слова. Но переполнилось любовью сердце Эльвэ, подошёл он к ней и взял её руку в свою. Тут чары пали на него, и простояли они так долгие годы. Звёзды катились над ними, отмеряя эти годы, и деревья Нэн Элмота стали высокими и тёмными, прежде чем они заговорили.

Соплеменники Эльвэ искали его и не нашли. Тогда Эльвэ взял под свою руку всех телери и ушёл из тех мест, как стало известно потом. Эльвэ Синголло больше никогда не переплывал Море при жизни и не видел Валинора, и Мелиана туда не возвращалась, пока жили они вместе на земле; но всем своим потомкам, эльфам и людям, передала она нечто от айнур, бывших с Илюватаром до Бытия Эа. Эльвэ стал великим Королём, правил он всеми оставшимися в Белерианде эльдар, которые уже назывались *синдар*, Серые эльфы или Эльфы сумерек, а он на языке этого племени получил прозвание Серый Плащ, Элу Тингол. Королева его Мелиана славилась мудростью, превосходя знаниями всех Детей Среднеземья, а чертоги их, Менегрот, или Тысяча Пещер в горах Дориата, были скрыты от всех. Великую власть дала Мелиана Тинголу, и без того большому вождю эльдар. Он один из всех синдар видел своими глазами Два Древа в день цветения, и хотя правил уманьяр, не видевшими истинного света, его не считали мори-квенди, а причисляли к эльфам Света, великим в Среднеземье. От любви Мелианы и Тингола родилась красивейшая и лучшая из всех Детей Илюватара, которые были, есть и будут.

Глава 5

Об Эльдамаре и властительных Эльдалиэ

И настало время, когда ваньяр и нольдор подошли к последнему берегу Ближних Земель. В Давние дни, после Битвы Великих, побережье там далеко выступало на запад, и самую северную часть Арды лишь узкая полоска моря отделяла от земли Аман, на которой построен был Валинор. Скрежешущие Льды плавали там и громоздились друг на друга, ибо жестоки морозы Мелькора. Поэтому не повёл Оромэ племена эльдалиэ на дальний север, а направился с ними южнее, в прекраснейшие земли у реки Сирион, названные потом Белериандом. С берегов Белерианда эльдар с удивлением и страхом впервые смотрели на Большую Воду. От гор земли Аман их теперь отделял Океан, огромный, тёмный и глубокий.

И вот, по поручению валар, к берегам Среднеземья прибыл Ульмо и заговорил с теми эльдар, которые смотрели на тёмные волны и ждали. Такова была сила его непонятных им слов и музыки рогов-раковин, что страх их перед Морем стал обращаться в желание. Тогда Ульмо вырвал с корнем одинокий остров, торчавший в самой середине Моря с тех пор, как подняла его из вод вздрогнувшая земля при падении Иллуина. Созвав своих слуг, привёл Ульмо тот остров, словно большой корабль, в залив Балар, куда вливался Сирион, и там причалил к берегу. Ваньяр и нольдор взошли на тот остров и отплыли. Понесло их Море, и принесло, наконец, к длинным пескам под горами земли Аман. Так прибыли они в Валинор, были приняты там с радушием и познали блаженство. Но восточный мыс плавучего острова, глубоко зарывшийся в дно на мели в устье Сириона, оторвался и остался на месте. Так, говорят, получился остров Балар, на который потом любил приходить Оссэ.

А телери остались в Среднеземье, ибо задержались в восточном Белерианде далеко от Моря, и слишком поздно дошёл до них призыв Ульмо. Многие из них продолжали искать господина своего Эльвэ, ибо не хотели никуда отправляться без него. Узнав же о том, что Ингвэ и Финвэ со своими родами отплыли, многие телери пошли к устью Сириона и поселились на морском побережье Белерианда, тоскуя об уплывших друзьях. Выбрали они королём Ольвэ, брата Эльвэ. Долго жили они на берегу Западного моря, а Оссэ и Уинэн приходили к ним и завели с ними дружбу; Оссэ учил их, сидя на прибрежном утёсе; узнали они от него тайны Моря и музыку Моря. Вот так телери, которые с самого начала любили воду и были лучшими певцами среди эльфов, остались очарованы Морем навеки, и в песни их вошла музыка волн морских, бьющих о берег.

Прошло много лет. Наконец, внял Ульмо мольбам нольдор и просьбам короля их Финвэ, тосковавшего в разлуке с телери, привезти их в Аман, если захотят они сами. Многие из них теперь охотно отправились бы туда, но когда Ульмо вновь подплыл к берегам Белерианда, чтобы отвезти их в желанный край, великая печаль охватила Оссэ. Владел он морями, омывавшими Среднеземье и берега Ближних Земель, и не хотел он, чтобы навсегда ушли дивные песни телери с этих берегов. И уговорил он часть из них остаться. Были среди оставшихся *фалатримы*, эльфы с побережья Фалас, поселившиеся потом в гаванях Бритомбар и Эгларест. Они стали первыми мореходами в Среднеземье и первыми строителями кораблей. Кирдан-Корабел был их вождем.

Родичи и друзья Эльвэ Синголло тоже остались в Ближних Землях и продолжали искать и ждать его. Они бы с охотой уплыли в Валинор, к свету Двух Деревьев, если бы Ульмо и Оссэ согласились подождать. Но Ольвэ спешил: и вот множество телери взошли на остров, и Ульмо увёз их вдаль. Друзья Эльвэ остались на берегу. *Эглат* называли они себя, Покинутые. Вид моря наполнял их печалью, поэтому отошли они от берега в леса и холмы Белерианда, но тоска по земле Аман навеки осталась в их сердцах.

Когда же Эльвэ очнулся от долгого забытья, то вместе с Мелианой вышел из Нэн Элмота и пошёл в леса в глубине земли, и жили они там с тех пор. Хоть и было велико его желание снова увидеть свет Двух Деревьев, видел он отблеск этого света в лице Мелианы, словно в чистом зеркале, и был утешен им. В великой радости собрался его народ вокруг него, и удивлены все были безмерно. Был он и ранее красив и благороден видом, но сейчас явился как вождь из майяр, волосы его стали как тёмное серебро, стал он выше всех Детей Илюватара, и знак высокого предназначения был на нём.

А Оссэ отправился за островом, на котором уплыл Ольвэ со своим племенем. Они достигли залива Эльдамар, что значит Обитель эльфов, тут Оссэ окликнул их, и они узнали его голос и стали просить Ульмо остановиться. Ульмо согласился, и Оссэ прикрепил корни Острова к морскому дну. Не препятствовал этому Ульмо, ибо понимал желания сердец телери, и на совете валар не был согласен с призывом, думая, что для квенди лучше будет остаться в Среднеземье. Валар же не понравилось, как поступил Ульмо. Финвэ опечалился, что телери не прибыли, и ещё больше загрустил, когда узнал, что Эльвэ остался покинутым, и понял, что не встретятся они больше в этой жизни, а увидят друг друга только в Залах Мандоса. Но остров остался там, где укрепил его Оссэ, в заливе Эльдамар, и назван был Эрессеей. Одиноким островом. Стали жить на нём телери, как и мечтали, под большими звёздами, и лишь смотреть могли оттуда на Аман, берег Бессмертных. И за долгие годы разлуки изменилась их речь, и стал их язык отличаться от языка ваньяр и языка нольдор.

Ваньяр и нольдор получили от валар место обитания. Но в садах Валинора среди лучезарных цветов, в свете Двух Деревьев они тосковали по звёздам. Тогда в высоких стенах гор Пелори сделан был проход, и в глубокой долине, спускавшейся к Морю, насыпали эльдар высокий зелёный холм. Название ему дали Туна. С запада лился на него свет Двух Деревьев, на восток легла тень. Восточной стороной был холм обращён к заливу Эльдамар, к Одинокому острову и Затенённым морям. Сияние Благословенной Земли заструилось через Путь Света, Калакирию, как называли проход в горах Пелори; лучи света зажгли тёмные волны серебряными и золотыми бликами и достигли Одинокого острова, тронув его западный берег, отчего покрылся он зеленью и цветами. Были то первые цветы к востоку от гор земли Аман.

На вершине Туны поднялся город эльфов, белоснежный Тирион со стенами и террасами, и самая высокая башня в нём называлась Башней Ингвэ, Миндон Эльдалиэва. Серебряный маяк горел на ней, далеко пробивая тонким лучом туманы над Морем. Почти никто из людей не видел света этого маяка с корабля, ибо не плавали туда корабли смертных. В Тирионе на Туне долго жили в дружбе ваньяр и нольдор. И узнав, что из всех сокровищ Валинора больше всех полюбили они Белое Дерево, Йаванна сотворила для них меньшее дерево, такое же, как Тельпериион, только не дающее своего света. На языке синдарин называли они его Галатилион. Посадили это дерево в саду дворца Миндон, и цвело оно пышно, и много его ростков потом рассаживали в Эльдамаре. Один росток отвезли на Тол Эрессею, и там он окреп и вырос, и называли его Келеборн; а потом, через многие годы, получило оно в других местах имя Нимлот, Белое Древо Нуменора.

Манвэ и Варда больше всех любили Красивых эльфов, *ваньяр*, но любимцами кузнеца Аули были нольдор, и часто Аули со своими подручными к ним являлся. Стали нольдор великими мастерами, и жажда знаний их была безмерна: во многом они скоро превзошли своих учителей. Изменчива была их речь, ибо очень любили они разные слова и находили всё новые имена для всего видимого и воображаемого. Однажды каменотёсы из дома Финвэ, добывая в горах камень (ибо нравилось им возводить высокие башни), впервые нашли драгоценные

камни и стали искать ещё, и добыли их множество, потом изобрели орудия для их обработки, гранили их и вырезали разнообразно. Они не стали их копить, а раздавали всем, и так обогатили весь Валинор трудом своих рук.

Впоследствии нольдор вернулись в Среднеземье. О многих их деяниях расскажет эта книга, поэтому надо сначала назвать имена их королей и вождей, в том виде, как они произносились позднее на языке эльфов Белерианда, и сказать, кто был кто.

Финвэ был королём у нольдор. Сыновей Финвэ звали Феанор, Финголфин и Финарфин; матерью Феанора была Мириэль Сэриндэ, а матерью Финголфина и Финарфина – Индис из племени ваньяр.

Феанор был более учён, чем его братья, величайший искусник в делах рук, знаток слов. Дух его горел, как пламя. Финголфин был сильнейшим из них, храбр он был и надёжен. Финарфин отличался от братьев красотой и сердечностью, был мудр, стал впоследствии другом сыновей Ольвэ, вождя телери, и взял в жёны дочь Ольвэ, деву-лебедь Эарвен из Алквалондэ.

Семь сыновей было у Феанора: Маэдхрос Высокий; Маглор-Певец, чей мощный голос был слышен через море; Келегорм-Красавец; Карантир Смуглый; Куруфин-искусник, унаследовавший таланты отца; и два младших близнеца Эмрод и Эмрас, схожие видом и нравом. Стали они потом в Среднеземье великими охотниками, и охотником был Келегорм, дружил он в Валиноре с Оромэ и часто присоединялся к охоте валар, слышав их рога.

У Финголфина было два сына: Фингон, ставший потом королём нольдор на крайнем севере, и Тургон, властитель Гондолина. И была у них сестра, Белая Аредхэл, намного моложе братьев. Когда она выросла и стала красивой и сильной, то полюбила охоту и прогулки верхом по лесам, подружилась с сыновьями Феанора, своими родичами, но никому из них не отдала своё сердце. Ар-Фейниэль прозвали её, Белая Дева нольдор, ибо была её кожа бела, хоть волосы были тёмные, и одевалась она лишь в белые ткани и серебро.

Сыновьями Финарфина были Финрод Верный (названный потом Фелагундом, Хозяином Пещер), Ородрет, Ангрод и Аэгнор; все четверо были в тесной дружбе с сыновьями Финголфина, будто все они были братьями. Была у них сестра Галадриэль, самая красивая из всех дочерей дома Финвэ, волосы её отливали золотом, словно запутались в их сети лучи Лорелина.

Здесь надо рассказать, как телери прибыли, наконец, в землю Аман. Долгие века жили они на острове Тол Эрессея. Но постепенно их сердца всё больше тянулись к Свету, что лился на Одинокый остров через море. Разрывались они между любовью к музыке волн, бьющихся об их родные берега, и желанием снова встретиться с соплеменниками и увидеть блистающий Валинор. В конце концов стремление к Свету пересилило. Тогда Ульмо, подчинившись воле валар, послал к ним Оссэ, их давнего друга, и он научил их искусству строить суда, хотя и очень при этом горевал. А когда ладьи их были готовы, дал он им прощальный дар – много сильнокрылых лебедей. И лебеди те дотянули белые ладьи телери по воде затихшего Моря до земли Аман, до берегов Эльдамара. Стали они там жить, и стали смотреть, когда хотели, на свет Двух Деревьев, ходить по золочёным улицам Вальмара и по хрустальной лестнице Белого Тириона на зелёном холме Туна; но чаще всего плавали они в своих быстрых ладьях по заливу Эльдамар или гуляли по берегу, заходя в воду, и тогда волосы их блестели в лучах света из-за холма. Много драгоценных камней дали им нольдор, опалы и алмазы, и прозрачный хрусталь, а они всё это разбросали по берегу и в водоёмах. Необыкновенно красивы были песчаные берега Эллендэ в те дни. Жемчуг доставали они для себя сами со дна морского, и украшали жемчугами свои дома, и жемчужным был светлый дворец Ольвэ в Алквалондэ, Лебязьей Гавани. Был это их город, и была это их гавань, где стояли ладьи, сработанные, как лебеди, с золотыми клювами

и глазами из драгоценного чёрного янтаря, гагата. Воротами в Гавань служила настоящая скала, проход в которой пробило море; и раскинулась гавань с городом на краю Эльдамара к северу от Калакирии, где звёзды светили ярко.

Проходили века, полюбили ваньяр землю валар и захотели жить в полном свете Деревьев, ибо притягивал он их, а поэтому покинули они город Тирион на Туне, поселились на горе Манвэ, за лесами и долинами Валинора, и разлучились с нольдор. А в сердцах нольдор жила память о Среднеземье и звёздах над ним, и остались они в Калакирии, на холмах и в горных долинах, где был слышен шум волн Западного моря. Однако многие из них часто заходили в глубь страны валар, узнавая тайны земли, воды и всех живущих существ. Жители Туны и Алквалондэ были тогда в большой дружбе. Финвэ правил в Тирионе, а Ольвэ – в Алквалондэ; но Верховным королём всех эльфов был Ингвэ. И жил он на горе Таникветиль у ног Манвэ.

Феанор и его сыновья редко задерживались на одном месте, но часто путешествовали в пределах Валинора, в стремлении к неведомому добираясь даже до границ Мрака и до холодных берегов Внешнего моря. Часто бывали они гостями в палатах Аули, но Келегорм больше любил ходить в дом Оромэ, где много узнал о птицах и животных и выучился всем языкам птиц и зверей. Ибо в земле Аман жили все существа, обитавшие на Арде, кроме зловредных тварей и чудищ Мелькора. Жили там и такие существа, которых в Среднеземье не видели и уже, наверное, никогда не увидят, ибо мир сейчас стал совсем другим.

Глава 6

О Феаноре и освобождении Мелькора из цепей

И вот три племени эльдар собрались, наконец, в Валиноре, а Мелькор был закован в цепи. То был полдень Благословенного края, вершина его могущества и великолепия. Долго длились те годы, но коротка память о них. Тогда эльдар окрепли телами и духом, достигли расцвета; нольдор овладели многими ремёслами и науками, радостен был их труд, много дивных и красивых вещей они создали. Именно тогда нольдор придумали первые письмены. Мудрец по имени Румил из Тириона подобрал подходящие знаки для записи речей и песен, одни для насечки на камне и металле, другие для письма пером и кистью.

В то время в Королевском доме в Тирионе на вершине Туны в Эльдамаре родился старший сын Финвэ, любимейший из всех его сыновей. Куруфинвэ назвали его, но мать дала ему прозвание Феанор, Пламенный Дух, и под этим именем вошёл он в легенды, которые сложили нольдор.

Его мать Мириэль прозвали Сэриндэ, потому что она была непревзойдённой искусницей в прядении и шитье; такую тонкую работу, какую выполняли её руки, никто даже среди нольдор не мог делать. Велика и светла была любовь Финвэ и Мириэль, ибо началась она в блаженные дни в Благословенной земле. Но, вынашивая дитя, ослабла Мириэль телом и духом, и когда родился у неё сын, стала думать об освобождении от жизни и её трудов. Дав ребёнку имя, сказала она Финвэ:

– Никогда больше я не понесу дитя; ибо сила, которой бы хватило на много жизней, ушла на одного Феанора.

Загоревал тогда Финвэ, ведь нольдор были молоды, и хотел он иметь многих детей, дабы жили они в счастливой земле Аман.

И сказал он:

– Не может быть, чтобы в Амани не проходили недуги. Здесь любая усталость исцеляется.

Но Мириэль продолжала слабеть, и пошёл Финвэ за советом к самому Манвэ, а Манвэ поручил Мириэль заботам Ирмо в Лориэне. Грустил Финвэ при расставании, хотя и думал, что это ненадолго. Считал он большим несчастьем то, что мать покидает дитя и не увидит, как оно подрастёт.

– Это, в самом деле, несчастье, – сказала Мириэль, – и я бы плакала, будь у меня силы для слёз, но не вини меня ни за это, ни за то, что может случиться потом.

Отправили её в сады Лориэна и уложили спать. Казалось, что она ещё спала, когда дух её отделился от тела и в молчании полетел в Залы Мандоса. Служанки Эстэ заботились о теле Мириэль, и оно не сгнило и не высохло, но она не вернулась. В печали жил Финвэ. Часто ходил он в сады Лориэна, и сидя под серебристыми ивами над телом жены, звал её по имени, но напрасно. Во всём Благословенном крае он один лишился радости. Потом он перестал ходить в Лориэн и всю любовь отдал сыну.

Быстро рос Феанор, и тайное пламя разгоралось в нём. Был он высок, красив и властен, с пронзительным взглядом светлых очей и волосами чёрными как вороново крыло. Жаден был он к знаниям, упорен в достижении цели. Мало кто мог изменить его намерения советом, никто не остановил бы его силой. Из всех нольдор, живших тогда и потом, был он искуснейшим мастером в ремёслах, и ум его проникал глубоко. В юности, совершенствуя работу Румила, он изобрёл знаки, которые сейчас называются его именем, все эльдар стали их употреблять. Он первым из нольдор придумал, как делать драгоценные камни, крупнее и ярче тех, что даёт земля. Первые камни, созданные Феанором, были бледные и бесцветные, но от звёздных лучей загорались синими и серебряными искрами, сверкавшими ярче Хеллуина; делал он

и кристаллы, в которых дальние предметы казались близкими, но маленькими, будто их видели глазами орлов Манвэ. Почти никогда не отдыхал разум Феанора, и не знали усталости руки его.

Ещё в ранней юности взял он в жёны Нэрданэль, дочь знаменитого кузнеца по имени Махтан, из тех нольдор, которых особенно любил Аули. От Махтана Феанор узнал много секретов изготовления вещей из камня и металла. Сильной волей обладала Нэрданэль, но была она спокойнее Феанора, стремилась не управлять умами, а познавать их; когда огонь души Феанора разгорался слишком буйно, она успокаивала его. Но позднейшие деяния Феанора огорчали её, и отдалились они друг от друга. Семь сыновей родила она Феанору – некоторые унаследовали её нрав, но не все.

Случилось так, что Финвэ взял вторую жену. Это была Индис Красивая из племени ваньяр, высокая и золотоволосая, совсем не похожая на Мириэль. Была она из рода близкого самому Верховному Королю Ингвэ. Финвэ полюбил Индис и радовался ей, но тень Мириэль осталась и в доме Финвэ, и в сердце его. Феанору доставалась большая часть отцовской любви.

Не одобрил Феанор женитьбу отца. Не полюбил он ни Индис, ни её сыновей: Финголфина и Финарфина. Жил он от них отдельно, ходил по земле Аман, изучал науки, упражнялся в ремёслах, которые любил. В тех несчастьях, которые случились потом и в которых Феанор был больше всех повинен, многие склонны видеть причиной разлад в доме Финвэ; и считают, что если бы Финвэ смирился с утратой и все силы отдал на воспитание могучего и буйного сына, поступки Феанора были бы другими, и великое зло могло быть предотвращено. Печали и ссоры в доме Финвэ глубоко врезались в память нольдор. Но дети Индис были эльфами великими и славными, и дети её детей тоже. Если бы не они, история эльдар была бы намного короче.

Ещё в то время, когда Феанор и другие искусники из нольдор творили с радостью, не предвидя конца своим трудам, и сыновья Индис подрастали, набирая силу, полдень Валинора близился к концу. Ибо Мелькор, по приговору валар закованный в цепи на три века, просидел один под надзором Мандоса весь этот срок и, как обещал Манвэ, должен был явиться перед тронами валар снова. Когда привели его к ним и увидел он блеск их славы и блаженство, ничего, кроме злобной зависти, не возникло в его сердце. Смотрел он на детей Илюватара, сидевших у ног Великих, и ненавидел их, смотрел на сверкающие камни и желал их, но скрыл он до времени свои мысли и отложил мщение.

Перед Вратами Вальмара, униженно пав к ногам Манвэ, Мелькор просил прощения, клянясь, что если его освободят и будет он ничтожнейшим из свободных жителей Валинора, то станет помогать валар во всех трудах и больше всего в залечивании ран, которые сам нанёс миру. Ниэнна поддержала его мольбу, а Мандос промолчал.

Тогда простил его Манвэ, но валар решили не отпускать его, и должен был он жить в стенах Вальмара, никуда не уходя. Дела и слова Мелькора казались им добрыми; поначалу действительно помогал он и валар, и эльдар, принося большую пользу помощью своей и советами, и валар сами стали спрашивать у него совета, и через некоторое время разрешили ему свободно ходить по стране, а Манвэ показалось, что Мелькор излечился от Зла. Ибо Манвэ, помня, что вначале в мыслях Илюватара они с Мелькором были равны, сам не знал Зла и не мог его понять. Не дано ему было увидеть, что творится в глубине души Мелькора, и неведомо было ему, что любовь навеки ушла из чёрного сердца. Но Ульмо не обманулся, и Тулькас сжимал кулаки, когда видел своего врага Мелькора свободным; ибо Тулькас медленно приходит в гнев, но и забывает медленно. Однако оба подчинились решению Манвэ, ибо те, кто защищает власть от бунта, сами бунтовать не должны.

В сердце своём Мелькор больше всех ненавидел эльдар, как за то, что они были веселы и красивы, так и за то, что в них видел он причину возвышения валар и своего падения. Поэтому он изо всех сил изображал любовь к ним, искал их дружбы, предлагал им свои услуги, знания и искусство в любом деле. Было это всё обманом, ваньяр не доверяли ему и не пользовались его услугами, ибо сами жили в свете Деревьев и были довольны тем, что имели. На телери он сам не очень полагался, считая их неискусными и слабыми; такие не смогли бы стать орудиями в его планах. Но нольдор увлекались ремёслами, жадно впитывали тайные знания, которые он им открывал, и многие прислушивались к тем его словам, которые лучше бы никому не слышать.

Впоследствии Мелькор заявил, что Феанор многому тайно научился у него, что в величайших делах Феанор получал его советы; но лгал он, завидуя, ибо никто из эльдалиэ не мог сильнее ненавидеть Мелькора, чем Феанор, сын Финвэ, который первым дал ему прозвище *Моргот*. Даже попав в сети Мелькора и выступив против валар, не слушал он его советов и не говорил с ним. Ибо Феанор, горя пламенем лишь собственного сердца, всегда работал быстро и один; и ни у кого в земле Аман не спрашивал совета, ни у малых, ни у великих, кроме разве жены своей, мудрой Нэрданэль, да и то в самом начале их совместной жизни.

Глава 7

О Сильмарилах и волнениях среди нольдор

В то время были изготовлены вещи, из всех изделий эльфов самые знаменитые. Ибо Феанор, войдя в полную силу, задумался о том, что дотоле не приходило ему в голову. Может, судьба послала ему предвидение, ибо близился роковой час. Но он стал думать, как сохранить свет Двух Деревьев, чтобы не погиб он и с ним – величие Благословенного края. Долго трудился Феанор в великой тайне, применил все свои знания, вою силу, всё искусство и, наконец, сотворил Сильмарилы

На вид это были три больших драгоценных камня. Но только когда наступит конец всех Начал, пропадёт Солнце и погаснет Луна и из залов вечного ожидания вернётся Феанор, погибший до сотворения Солнца и не являвшийся с тех пор среди своих сородичей, станет известно, из чего он их сделал. Похожие на алмазы, огранённые в кристаллы, они были неизмеримо прочнее, и в королевстве Арды не нашлось бы силы, способной разбить или повредить их. Но кристаллы служили им лишь оболочкой, телом, как Детям Илюватара служит тело, скрывающее жар души, жизненный огонь, пронизывающий всё существо. Внутренний огонь вложил Феанор в Сильмарилы, смешав свет Двух Деревьев Валинора, и жил огонь в них, когда Деревья погибли и не светили больше. А Сильмарилы продолжали светить во тьме глубоких подвалов и в дальней дали, как звёзды Варды; радовались свету и брали его, и отдавали лучами удивительной красоты, будто они сами – живые существа.

Все, кто жил тогда в земле Аман, преисполнились удивления и восхищения, увидев сделанное Феанором. Варда благословила Сильмарилы и наложила на них заклятие – отныне лишь бессмертные, не знающие Зла, и только чистыми руками могли их касаться. Любого, в ком есть зло, грязь, и любого, кто смертен, испепелило бы такое прикосновение. Мандос предсказал, что судьбы Арды, земли, моря и воздуха отныне будут заключены в них.

И сердце Феанора навеки прикипело к тому, что сотворил он.

Мелькор сразу возжелал Сильмарилы, и даже когда он их не видел, память об их сиянии жгла ему сердце. Сгорая от желания заполучить кристаллы, стал он думать, как уничтожить Феанора и расстроить дружбу валар и эльфов. Но он хитро скрывал свои цели, и никто не сказал бы по его виду, что он замышляет зло. Долго готовил он своё предательство, трудно ему пришлось. Но тот, кто сеет ложь, в конце концов дожидается богатого урожая и может отдохнуть, глядя, как другие пожинают его и засевают новое поле. Мелькор находил уши, которые не отворачивались от него, и языки, готовые разнести то, что он говорил; ложь шла от друга к другу, её передавали, как тайну, когда говорящий считает себя умнее того, кто слушает. Жестоко заплатились потом нольдор за легковірие и недомыслие.

Когда Мелькор увидел, что многие склоняются к нему, стал он чаще приходить к ним, говорил правдивые слова и вплетал в них ложь, а строил свои речи так искусно, что внявшим ему потом казалось, будто они сами обо всём этом давно думали. Злодей насылал им в души видения великих восточных стран, которыми они могли бы свободно править. Прошёл шепоток, что валар привезли квенди в Аман из ревности, боясь, что слишком большой красотой и силой творчества наделил их Илюватар, и что когда умножатся эльфы и разойдутся по миру, трудно станет валар управлять ими.

Валар тогда уже знали, что в мир должны будут прийти *люди*, но эльфы о них ещё ничего не знали, ибо не открывал им этого Манвэ. А Мелькор тайно сказал им о Смертных, пытаясь использовать во зло молчание валар. Он сам ещё мало знал о людях, ибо когда творилась Великая Музыка, думал о себе и не вслушивался в Третью Тему Илюватара; но сейчас пустил слух среди эльфов, будто Манвэ держит их самих в плену, чтобы легче было людям захватить Землю, ибо отобрав у эльфов наследие Илюватара, валар быстрее заселят Среднеземье сла-

быми и недолго живущими племенами. Мало было в том истины, и никогда не собирались валар направлять волю людей во вред эльдар. Но многие нольдор поверили или наполовину поверили ядовитым словам.

Так незаметно был отравлен мир в Валиноре. Валар ещё не подозревали ничего, а нольдор уже роптали. Многих из них обуяла гордыня, стали они забывать, сколько даров дали им валар. Жажда свободы и простора на земле жарко запылала в нетерпеливом сердце Феанора. А Мелькор втайне смеялся, ибо ненавидел Феанора больше всех, и желал Сильмарилы, и направлял всю свою ложь именно к этой цели. Но добраться до Сильмарилы он никак не мог, ибо лишь на больших пирах Феанор надевал их, и сверкали они у него во лбу, а в остальное время их надёжно охраняли, были они заперты в глубоких подвалах сокровищницы в Тирионе. Полюбил Феанор созданные им Сильмарилы ревнивой любовью, даже показывать их не желал никому, кроме отца своего и семерых сыновей. Стал он забывать, что свет в Сильмарилах был лишь взят им, а не создан и не мог принадлежать ему одному.

Равно высокородны были Феанор и Финголфин, старшие сыновья Финвэ, во всём Амáne оказывали им должную честь; теперь оба они возгордились и стали слишком ревниво относиться к своим правам и к тому, чем владели. И новую ложь пустил Мелькор по Эльдамару, и дошёл до Феанора слух, что Финголфин с сыновьями задумал с разрешения валар отобрать власть у Финвэ и семьи его младшего сына, ибо валар недовольны, что Сильмарилы хранятся в Тирионе, а не доверены им. А Финголфину и Финарфину было сказано:

– Берегитесь! У гордеца сына Мириэль никогда не было любви к детям Индис. Возвысился он, и отец теперь у него в руках. Скоро столкнёт он вас с Туны!

Когда же Мелькор увидел, как от углей его лжи зажигаются тщеславием и гневом сердца нольдор, заговорил он с ними об оружии; и принялись нольдор ковать мечи, топоры и накопники для копий. Стали они изготавливать щиты со знаками соперничающих родов, один великолепнее другого, и носили открыто только их, а об остальном оружии пока молчали, ибо каждый думал, что только он получил предупреждение. Феанор же в тайной кузнице, о которой даже Мелькор не подозревал, выковал для себя и своих сыновей страшные закалённые мечи и изготовил высокие шлемы, украсив их алыми перьями. Горько пожалел Махтан о дне, когда начал учить мужа своей дочери Нэрданэль всем секретам металла, которые сам узнал от Аули.

Вот так ложью, лстивым шёпотом и зловредными советами разжёл Мелькор сердца нольдор и натравил их друг на друга; ссоры их приблизили закат древнего и славного Валинора, кончились его счастливые дни. Феанор стал произносить бунтовские речи против валар, открыто возглашая, что покинет Валинор, вернётся во Внешний мир и освободит нольдор от рабства, если они за ним пойдут.

Начались в Тирионе великие волнения. Встревожился Финвэ и созвал всех вождей своего племени на совет. Но прежде чем явились они, поспешил в его покои Финголфин и сказал ему:

– Король и отец мой, неужели не остановишь ты нашего брата Куруфинвэ, недаром прозванного Пламенным Духом? Возгордился он. По какому праву смеет он говорить с народом, будто он уже король? Это ведь ты давным-давно обратился к племени квенди и уговорил их внять призыву валар и прийти в Аман. Ты провёл нольдор по долгим дорогам Среднеземья через множество опасностей к свету Эльдамара. Если ты сам не жалеешь об этом, у тебя ещё есть два сына, готовые поддержать тебя.

Но не успел Финголфин окончить речь, как в покой ворвался Феанор в полном вооружении, в высоком шлеме, с большим мечом у бока. И сказал он:

– Так я и думал. Сводный брат мой уже у отца, хочет стать первым, как и во всём остальном! – и обратясь к нему, обнажил меч с криком: – Убейся на своё место!

Финголфин поклонился отцу и, не удостоив Феанора ни словом, ни взглядом, вышел прочь. Но Феанор бросился за ним, остановил его в дверях королевского дома и приставил меч к его груди, говоря:

– Слушай, сводный брат! Твой язык остёр, но мой меч острее. Попробуй только поку- ситься ещё раз на моё место и любовь отца, и я избавлю нольдор от того, кто хочет повелевать рабами!

Многие слышали эти слова, ибо дом Финвэ стоял на большой площади рядом с Миндо- ном; но снова Финголфин не ответил ему, а молча прошёл сквозь толпу и стал искать брата своего Финарфина.

Так узнали валар о волнениях среди нольдор, и решили они, что это Феанор замыслил беспорядки, ибо он первым открыто произнёс противные слова, ведь семена их были посеяны тайно. Слишком самоволен и буен был Феанор, и гордыней превзошёл всех гордых нольдор. Опечалился Манвэ, но наблюдал за всем и ничего не говорил. Эльдар пришли на землю валар по своей воле, остались по своей воле и могли по своей воле уйти. Валар могли счесть их уход безрассудством, но помешать не могли. А то, что сделал Феанор, терпеть было нельзя, и валар рассердились и обиделись. И вызван был Феанор к Вратам Вальмара, чтобы держать ответ за все свои слова и поступки. Всех, кто знал об этом, и так или иначе принимал участие в беспорядках, тоже позвали. Встал Феанор в Кольце Судеб перед Мандосом, и приказали ему отвечать, и стали спрашивать. Обнажились тут корни Зла, и открылась зловредность Мелькора. Тут же Тулькас покинул Совет Валар, дабы своей рукой схватить Мелькора и привести на суд. Но Феанора нельзя было признать невинным, ибо нарушил он покой Валинора, подняв меч на родича. И сказал ему Мандос:

– О рабстве ты говоришь. Если это даже рабство, то и там ты его не избежешь. Ибо Манвэ правит Ардой, а не только землёй Аман. Поступок твой беззаконен, как в Аманы, так и за его пределами. Вот приговор тебе: на двенадцать лет покинешь ты Тирион, где угрожал брату. За это время договорись с самим собой, вспомни, кто ты есть. А по прошествии этого срока будешь свободно жить в мире и обелишься, если захотят освободить тебя.

И сказал Финголфин:

– Я освобожу брата.

Но Феанор не произнёс ни слова в ответ, постоял ещё некоторое время пред лицом валар, потом покинул Совет и ушёл от Врат Вальмара.

За ним в изгнание последовали семь его сыновей, и построили они в горах на севере Валинора крепость Форменос. В той крепости собрали они много драгоценностей, камней и оружия, и отдельно в запёртом железном подвале хранили Сильмарилы. Туда, в Форменос, прибыл и король Финвэ, ибо любил он сына своего Феанора; а Финголфин стал править пле- менем нольдор в Тирионе. Вот так вышло, что ложь Мелькора стала правдой, хотя к распрям привели деяния Феанора. Вражда, посеянная Мелькором, долго жила потом уже между сыно- вьями Финголфина и Феанора.

Сам Мелькор, узнав, что вышла на свет его подлость, скрылся и переходил с места на место, как туча в горах. Напрасно искал его Тулькас. Вот тогда жителям Валинора стало казаться, что тускнеет свет Двух Деревьев, и тени от всех предметов становятся темнее и длин- нее.

Говорят, что некоторое время Мелькора в Валиноре не видели, и никто о нём не слышал. Но вдруг он явился в Форменос к дверям Феанора и заговорил с ним. Хитроумными доводами убеждая гордого нольдо в своей дружбе, он пытался вернуть его к прежней мысли о побеге из плена валар. Говорил он:

– Видишь, ведь я открывал тебе правду. Вот ты несправедливо изгнан, но если сердце Феанора свободно и смело, как его речи в Тирионе, я ему помогу покинуть эту тесную землю.

Разве сам я не вала? Да, у меня власти больше, чем у тех, кто засел в Вальмаре. Я всегда был другом нольдор, самого искусного и доблестного племени в Арде.

Сердце Феанора съедала горечь унижения от суда Мандоса, молча смотрел он на Мелькора, размышляя, можно ли довериться ему настолько, чтобы он помог бежать. А Мелькор, видя колебания Феанора и зная, что сердце его прикипело к Сильмарилам, тоже помолчал, потом сказал:

– У тебя мощная крепость, и она хорошо охраняется, но не думай, что в стране валар может быть твердыня, в которой Сильмарилы станут совершенно недоступными!

На этот раз он перестарался в хитрости. Удар его проник слишком глубоко и пробудил в груди Феанора более горячее пламя, чем он хотел. Испепеляющим взглядом пронзил Феанор Мелькора и проник в его разум сквозь покровы внешней благожелательности. Увидел он там алчное стремление завладеть Сильмарилами, ненависть ожгла его сердце, проклял он Мелькора и прогнал его, говоря:

– Прочь от моих ворот, ворон Мандоса!

И закрыл он двери дома своего перед сильнейшим из всех обитателей Эа.

Со стыдом отошёл Мелькор, спеша скрыться, ибо сам был в опасности; он пока не видел способа отомстить, но сердце его почернело от злости. А Финвэ преисполнился великим страхом и спешно отправил гонцов в Вальмар к Манвэ.

Когда подошли гонцы из Форменоса к воротам, сидели там валар и держали совет, обеспокоенные удлиняющимися тенями. Тут же вскочили на ноги Тулькас и Оромэ, но не успели сделать шага, как подбежали новые гонцы из Эльдамара, говоря, что Мелькор бежал через Калакирию и что с холма Туны эльфы видели, как мчался он яростной грозовой тучей. И сказали они, что нёсся он к северу, ибо телери в Алквалондэ заметили его тень, спешившую через их гавань к Араману.

Так Мелькор бежал из Валинора, и некоторое время Два Дерева снова светились ярко, и землю заливал их свет. Валар не нашли следов Врага, но сомнения, словно дальняя туча, плывущая у края неба на крыльях холодного ветра, тревожили их и омрачали их радость. Обитатели земли Аман страшились зла, которое могло прийти к ним, ещё не зная, что произойдёт.

Глава 8

О затемнении Валинора

Когда Манвэ узнал, что сделал Мелькор, то понял, что он направился в свои старые убежища на севере Среднеземья. Оромэ и Тулькас помчались на север, ему вслед, надеясь догнать, но не успели. И в незаселённых землях за побережьями телери до самых Льдов не было ни следов, ни слухов. Стражу вдоль северных границ земли Аман удвоили, но это было уже бесполезно, ибо Мелькор вернулся ещё раньше, чем за ним отправили погоню, и тайно прошёл на юг, ибо был он одним из валар и мог менять вид или ходить без обличья так же, как и его собратья. Вскоре он должен был навеки потерять этот дар, но пока ещё не потерял.

Вот так невидимым он, наконец, добрался до затенённой области Аватар, узкой полосы земли на юге от залива Эльдамар, под восточными склонами гор Пелори. Унылые неизведанные берега холодного тёмного Моря под крутыми стенами гор погрузились в глубочайший мрак. Нигде в мире тени не были такими тёмными и плотными. И здесь в Аватаре в тайном логове поселилась Унголианта. Эльдар не знали, откуда она явилась, но говорили, что вышла она из окружавшей Арду темноты много веков назад, когда Мелькор впервые направил ненавидящий взгляд на королевство Манвэ, и что была она одной из первых, кого он склонил к себе на службу. Но она скоро бросила хозяина, желая служить только своему алчному брюху, и бежала на юг от преследования валар и охотников Оромэ, которые зорко следили за севером, не обращая пока внимания на юг. Иногда она подкрадывалась к границам Благословенной земли, ибо жаждала света и ненавидела его.

Она жила в глубоком ущелье, и приняв обличье чудовищной паучихи, плела чёрные тенёта в расщелинах скал. Она высасывала весь свет, какой могла найти, и ткала из него чёрные тени, затягивала своё обиталище плотной паутиной мрака, так что ни один лучик света не мог в него проникнуть. И она голодала.

И вот Мелькор явился в Аватар, чтобы разыскать её. Принял он тот же вид, в котором являлся тираном в Утумно: облик Чёрного Властелина, высокого и ужасного. В этом облике он с тех пор и остался. В чернейшей тени, куда не проникал даже взгляд Манвэ из высоких чертогов, Мелькор и Унголианта составили заговор мщения, но когда Унголианта поняла цели Мелькора, её сердце чуть не разорвалось, раздираемое, с одной стороны, алчностью, с другой – страхом. Ибо боялась она навлечь на себя гнев земли Аман и могущественных Властителей и не хотела покидать своё логово. Тогда сказал ей Мелькор:

– Делай, как я прошу. Если после всего ты ещё останешься голодна, я дам тебе всё, чего пожелает твоя алчность. Да, да, обеими руками добуду и отдам.

Он легко дал обещание, ибо лгал, как всегда, и смеялся в душе. Так крупный вор обещает приманку мелкому.

Когда выступили Мелькор с Унголиантой, соткала она вокруг них Плащ мрака, Несвет, в котором всё исчезало, словно ничего не было. Взор не мог проникнуть сквозь него, ибо это была чёрная пустота. Потом она медленно стала плести паутину и опутывать ею горы: *словно верёвки, нить за нитью*⁵ перекидывала она из щели в щель, со скалы на скалу, и по ним взбиралась вверх, то ползла, то раскачивалась, пока не забралась на вершину Хьярментир, самую высокую в этой части мира, далеко на юге от Таникветиля. Валар не следили за теми местами: западнее гор Пелори там лежала необитаемая область сумерек, на востоке горы спускались к туманным водам Моря без дорог; на крайнем юге между ними был забытый Аватар.

⁵ Верёвку за верёвкой. (В.А.М.)

И вот теперь чёрная Унголианта залегла на вершине горы. Сплела она верёвочную лестницу, сбросила её вниз, а Мелькор поднялся по ней на вершину, встал рядом со своей сообщницей, и стали они смотреть сверху на Бережённые земли. Под ними раскинулись леса Оромэ, на западе в дымке золотились тяжёлыми колосьями хлеба богов, луга и поля Йаванны, но Мелькор смотрел на север и видел там светлую равнину и серебряные купола Вальмара, сияющие в смешавшихся лучах Тельпериона и Лорелина. Громко рассмеялся Мелькор и понёсся прыжками вниз по пологим западным склонам. Рядом с ним неслась Унголианта, и её темнота прикрывала его.

Было время празднования, и Мелькор это хорошо знал. Валар управляли всеми течениями и временами года, не было в Валиноре убийственной зимы, но ведь Арда, где жили валар, была лишь малой областью в чертогах Эа, чья жизнь есть Время, текущее от первой ноты до последнего аккорда Эру. Когда же веселились валар, имели они обыкновение (как говорится в книге Айнулиндалэ) надевать на себя обличье Детей Илюватара, есть и пить, собирать плоды, взращённые Йаванной на земле, которую они сотворили, направляемые Эру.

Йаванна установила время цветения и созревания всего, что росло в Валиноре, и после каждого первого сбора плодов, Манвэ устраивал большой пир во славу Эру. Тогда все народы, жившие в Валиноре, выплёскивали свою радость в музыке и песнях, собираясь на Таникветиле. В тот раз объявил Манвэ пир самый великолепный из всех со времени прихода эльдар в Аман. Ибо хотя побег Мелькора предвещал много забот и печалей, и никто не мог предсказать, какие раны получит Арда прежде, чем он будет снова покорён, решил Манвэ загладить этим пиром зло, возникшее среди нольдор. Всех пригласил он в свои высокие чертоги на Таникветиле, чтобы забылись печали и распри вождей, чтобы забылась ложь Врага.

Пришли на пир ваньяр, и пришли нольдор из Тириона, и собрались майяр, и явились во всей красе и величии валар. Пелись песни перед Манвэ и Вардой в высоких чертогах, устроены были танцы на зелёных западных склонах Горы, обращённых к Двум Деревьям и свету их. Улицы Вальмара в тот день опустели, тихо было на лестницах Тириона, вся земля дремала в мире. Только телери за горами всё ещё пели на морском берегу: их не заботили времена года, они не думали ни о трудах Правителей Арды, ни о тени, павшей на Валинор, ибо их это пока не коснулось.

Одно лишь омрачало планы Манвэ. Феанор на пир явился, потому что из всех нольдор в Форменосе одному ему Манвэ послал не приглашение, а приказ, ведь был он ещё изгнанником; но Финвэ не пришёл, и остальные его нольдор не пришли, ибо сказал Финвэ:

– Пока запрет являться в Тирион лежит на моём сыне, я не король, и не хочу встречаться с моим народом.

Феанор же пришёл не в праздничной одежде. Не было на нём украшений: ни золота, ни серебра, ни камней не надел он; и не порадовал валар и эльдар в тот раз видом Сильмариллов, а оставил их под замком в железном подвале в Форменосе. Однако с Финголфином он встретился перед тронном Манвэ, и услышал слова прощения. Финголфин объявил, что не счёл обидой то, что Феанор обнажил меч. Протянул Финголфин руку и сказал:

– Я обещал и сейчас выполняю обещание. Освобождаю тебя и не помню обиды.

Тогда Феанор молча взял его руку в свою. Но сказал ещё Финголфин:

– По крови ты мне сводный брат. Будь мне настоящим братом по сердцу. Веди, и я пойду за тобой. Да не разлучит нас новое горе.

– Слышу тебя, – оказал Феанор. – Да будет так.

Но не знали они тогда, что принесут им эти слова в будущем.

Говорят, что когда Феанор и Финголфин стояли так перед Манвэ, оба Деревя светили одинаково, лучи их смешались, и молчавший город Вальмар наполнился золотым и серебряным сиянием. В тот самый час Мелькор и Унголианта спешили к Вальмару через поля Валинора, и было видно, как тень чёрной тучи мчит по залитой светом земле; и пришли они

к зелёному холму Эзеллоар. Тогда взвился Несвет Унголианты и достиг подножья Деревьев, а Мелькор под ним взошёл на холм. Чёрным копьём пронзил он оба Древа до сердцевины, нанёс им глубокие раны, и полился из них сок, словно кровь, и омочил землю. Унголианта выпила его: кидаясь от одного Древа к другому, она по очереди погружала в их раны чёрный клюв, пока не высосала все их соки; смертельный яд был в её жвале, вошёл он в Деревья, и высохли их корни, ветви и листья, и умерли они. Но жажду она не утолила, подошла к Колодцам Варды и выпила их до дна, изрыгая чёрный пар, пока пила; и раздулась она при этом, став такой огромной и безобразной, что Мелькор испугался.

Вот так великая тьма пала на Валинор. О деяниях того дня много рассказывается в известной всем эльдар песне «Альдудэниэ», которую сочинил певец Элеммирэ из ваньяр. Но ни одна песня и легенда не передаст горя и ужаса, охватившего всех. Свет погас, но мрак был не просто потеря света, а хуже. В тот час сотворился Мрак, который был сам по себе; тем страшнее, что сотворён он был великой зловредностью из света, и была в нём сила, мог он проникать в глаза, входить в сердце и в разум, сковывать волю.

Варда посмотрела вниз с Таникветили и увидела, как мрак вдруг поднялся высокими чёрными башнями, и в ночь погрузился Вальмар. Одна священная Гора высилась последним островом над утонувшим во тьме миром. Все песни смолкли. Тихо стало в Валиноре, ни звука не было слышно, только жалобы телери, словно крики чаек, донесли из дальнего далёка горные ветры. Ибо в тот час с востока повеяло холодом, и на берег телери покатались огромные тени с Моря.

Манвэ с высокого трона пронзил взглядом ночь, и увидел вдали огромную тучу Мрака такой черноты, что сквозь неё даже его взор не проник. Неслась эта туча со страшной скоростью на север – и узнал Манвэ, что Мелькор приходил и ушёл.

Тогда началась охота. Земля тряслась от топота коней воинства Оромэ. Искры из-под копыт Нахара были первым светом, вернувшимся в Валинор. Но, догнав Несвет Унголианты, всадники-валар ослепли и рассеялись, и поскакали в разные стороны; а Валарома, громкий рог Оромэ, осёкся и смолк. Тулькас в ночи попался в чёрную сеть и напрасно рубил пустой воздух. Когда же Мрак рассеялся, было уже поздно: Мелькор скрылся там, где хотел, и месть его свершилась.

Глава 9

О бегстве нольдор

Через малое время в Кольце Судеб собрался большой Совет. Валар сидели в темноте, ибо была ночь, только вверху мерцали звёзды Варды, и воздух был чист, ибо Манвэ послал ветры, и они унесли смертоносные пары и откатали тени с Моря за край света. Встала Йаванна и взошла на Эзеллоар, но зелёный холм стал теперь чёрным и голым. Возложила она руки на Деревья, но они были темны и мертвы, и не ожили, а когда она притрагивалась к веткам, то ветки обламывались, безжизненно падали к её ногам. Многие голоса вознеслись тогда в жалобных криках; и казалось тем, кто плакал, что выпили они до дна горькую чашу, наполненную Мелькором. Но было это не так.

Обратилась Йаванна ко всем валар, говоря:

– Свет из Деревьев ушёл навек, и живёт теперь лишь в Сильмарилах Феанора. Дальновиден он! Есть дела, которые по воле Илюватара даже могущественнейшим дано совершать только один раз. Свет Деревьев вызвала я к жизни, и в пределах Эа никогда больше не смогу то деяние повторить. Но останься у меня хоть частица того света, я могла бы оживить Деревья, пока корни их ещё не рассыпались в прах, тогда эта наша рана затянулась бы и проклятие пало бы на злобного Мелькора.

Тогда сказал Манвэ:

– Слышишь ли ты слова Йаванны, Феанор, сын Финвэ? Отдашь ли то, что просит она?

Наступила долгая тишина, но Феанор не ответил ни слова. Закричал тогда Тулькас:

– Говори «да», нольдо, или «нет»! Но кто может отказать Йаванне? И разве не её трудами в самом начале явился свет, который сияет сейчас в Сильмарилах?

Но сказал Аули-Мастер:

– Не спеши! Мы просим у него гораздо больше, чем ты думаешь. Оставь его пока в покое!

Тут заговорил Феанор, и вскричал он с горечью:

– Не только у великих, но и у малых есть дела, которые совершаются один раз в жизни и не могут совершаться дважды! Душа мастера в них. Нельзя повторить Сильмарилы. Я могу разомкнуть их и выпустить свет, но, разбивая их, я своими руками разобью себе сердце. И будет первый из эльдар убит в земле Аман.

– Не первый, – сказал Мандос, но они не поняли его слов.

Снова наступила тишина, и в этой тишине и темноте думал Феанор. Казалось ему, что он в кольце врагов, и вспомнились ему слова Мелькора о том, что Сильмарилы не будут в безопасности, если валар захотят завладеть ими. «Разве он сам не такой же вала, как они? – подумалось ему. – Выходит, он понял их замыслы. Да, злодей выдаёт злодеев!»

И выкрикнул он громко:

– Я не сделаю этого по доброй воле! Если же валар вынудят меня, то буду знать, что Мелькор в самом деле один из них.

– Ты сказал, – произнёс Мандос.

А Ниэнна встала, взошла на Эзеллоар, откинула серое покрывало и смыла своими слезами скверну, оставленную Унголиантой. А потом запела песню-плач по Двум Деревьям, сожалея о жестокости мира и горюя о затемнении Арды.

Во время плача Ниэнны пришли гонцы из Форменоса, из племени нольдор, и принесли вести о новой беде. Сказали они, что на север приползла слепая тьма, а в ней – сила, испускающая мрак, и не было ей имени. И Мелькор явился с ней; подошёл он к дому Феанора и убил короля нольдор Финвэ на пороге у его дверей. Так пролилась первая кровь в Благословенном крае. Ибо Финвэ был единственным, кто не бежал от ужаса перед Тьмой. И ещё сказали гонцы,

что разрушил Мелькор крепость Форменос и взял все сокровища нольдор, собранные там, и что Сильмарилы пропали.

Тогда встал Феанор, поднял руку и пред лицом Манвэ проклял Мелькора, дав ему ещё одно имя: Моргот, Чёрный Враг мира, – и только под этим именем знали его эльдар потом. Проклял Феанор также и призыв Манвэ, и тот час, когда пришёл он на Таникветиль. Не подумал он в ярости и горе своём, что останься он в Форменосе, и его бы убил Мелькор, ибо за этим приходил, и не хватило бы ему силы победить Врага. Прокричал Феанор проклятие и бежал из Кольца Судеб в ночь, ибо отец его был дороже ему, чем свет Валинора или несравненные творения собственных рук. Кто из сыновей эльфийских или людских ценил отцов дороже?

Многие сострадали горю Феанора, но его потеря была потерей для всех. Йаванна плакала под холмом Эзеллоар в страхе, что Тьма может навек поглотить последний свет Валинора. Ибо хотя валар не понимали ещё до конца всего, что случилось, они подозревали, что Мелькор получил помощь извне. Сильмарилы пропали, и не всё ли равно теперь, «да» или «нет» ответил бы Феанор на просьбу Йаванны? Но если бы до того, как прибыли вести из Форменоса, он оказал «да», его собственные дальнейшие поступки могли бы быть другими. А теперь приближался роковой час нольдор.

Тем временем Моргот, спасаясь от преследования валар, добрался до пустыни Араман. На севере лежала она между горами Пелори и Великим Морем, подобно тому, как располагался на юге Аватар, но земля Араман была больше, была ровной и пустой, и чем ближе к великим Лдам, тем холоднее было там. Через эту землю, спеша, прошли Моргот и Унголианта, и через большие туманы Ойомурэ подошли к проливу Хелькаракс между землёй Араман и Среднеземьем, где громоздились Скрежешущие Лды. Пересекли они пролив и оказались, наконец, на севере Внешних Земель. Дальше они продолжали путь вместе, ибо Моргот не мог отделаться от Унголианты, и она по-прежнему окутывала его своим плащом-тучей и смотрела на него всеми глазами. Так пришли они в земли к северу от узкого залива Дренгист. Моргот подходил к развалинам Ангбанда, своей великой западной твердыни, а Унголианта поняла, на что он надеется, догадалась, что он попытается здесь от неё удрать, и остановила его, требуя выполнения обещаний.

– Послушай, Чёрное Сердце! – сказала она. – Я выполнила твою просьбу, но я ещё голодна.

– Чего ещё тебе надо? – сказал Моргот. – Уж не хочешь ли ты набить брюхо целым миром? Этого я тебе не обещал. Я пока ещё властвую в нём.

– Не так много, – сказала Унголианта. – У тебя сокровище Форменоса. Я хочу, чтобы ты отдал его мне. Да, обеими руками ты должен отдать его мне.

Волей-неволей Моргот отдал ей драгоценные камни, которые унёс с собой, и отдавал их, скупясь, по одному, а она их проглатывала, и дивная красота по камешку исчезала из мира. Всё огромное и темнее становилась Унголианта, но алчность её была ненасытна.

– Одной рукой ты даёшь, – сказала она. – Только левой. Открой правую руку.

В правой руке Моргот сжимал Сильмарилы, и хотя они были заперты в хрустальном ларце, они уже жгли его, и больно было руке, но он её не разжал.

– Нет! – сказал он. – Ты своё получила. Моей властью ты исполнила заданное. Ты мне больше не нужна, эти вещи ты не только не получишь, но и не увидишь. Я называю их своими навечно.

Но теперь был он меньше, чем не́когда, ибо часть своей силы растратил, а Унголианта стала огромной, и встала она, и пошла на него, обволокла своей тучей и стала оплетать тугой сетью, собираясь задушить. Тогда ужасный вопль издал Моргот, эхом отозвался он в горах. С тех пор то место зовётся Ламмот, что значит Воющая Пустыня, ибо эхо его голоса навсегда поселилось там, и любой крик пробуждает его, и тогда вся пустыня от гор до моря наполняется отчаянными воплями и воем. Не слышал северный мир крика громче и ужаснее, чем тот вопль

Моргота: горы содрогнулись, заколебалась земля и потрескались камни от него. В забытых глубинах был услышан этот крик. Под руинами чертогов Ангбанда, в глубочайших пещерах, куда валар в спешке разрушения не спускались, ещё таились балроги, ожидая возвращения хозяина; и теперь они поспешили наверх, промчались через туманный Хифлум и огненной бурей явились в Ламмот. Пламенными бичами разорвали они паутину Унголианты, она отступила и бежала, изрыгая клубами чёрный пар, и добежала до Белерианда, где поселилась под горами Эред Горгорот, в тёмной долине, которую потом прозвали Нэн Дунгортэб, Долина Страшной Смерти, ибо ужасом наполнила её паучиха. Ещё когда рылись первые пещеры в Ангбанде, там уже жили злобные твари паучьего рода, и она совокуплялась с ними, а потом пожирала их; а когда сама Унголианта ушла неизвестно куда, на забытую южную окраину мира, в страшной долине остались её отпрыски и плели там жуткие тенёта. Что, в конце концов, стало с Унголиантой, ни одна легенда не говорит. Подозревают, что погибла она давным-давно, сожрав сама себя от неутолимого голода.

Так не сбылись опасения Йаванны, что Сильмарилы будут проглочены и перестанут существовать. Они остались целы, но ими завладел Моргот. Оказавшись на свободе, он собрал всех, кто мог ему служить, и пошёл в разрушенный Ангбанд. Заново вырыл он там огромные пещеры и подвалы, вознёс над воротами трёхвершинный пик Тангородрим, и чёрный дым всё время стоял над ним, обвивая все три вершины. Снова было у него войско из зловредных тварей и демонов без числа, и орчье племя, выведенное им давным-давно, опять росло и множилось в земной утробе. Тёмная тень накрыла Белерианд. А в Ангбанде Моргот выковал себе большую железную корону и объявил себя Повелителем Мира. В знак своевластия он вставил в корону Сильмарилы. Прикоснувшись к камням со священным светом, он ожёг руки, и они у него навсегда остались чёрными. Вечно терзала его с тех пор боль от ожогов и злоба на эту боль. Корону он не снимал с головы, хотя смертельно тяжела была она. Только один раз решился он тайно выйти из своей северной твердыни; обычно не покидал он глубоких тайников крепости и управлял армиями, не сходя с престола. И пока существовала его твердыня, лишь однажды сам он взялся за оружие.

Ибо теперь, когда его гордость была уязвлена, ненависть грызла его сильнее, чем в дни Утумно, и дух свой он растрачивал на то, чтобы разжигать ненависть в подвластных ему рабах и прислужниках. Но несмотря ни на что, долго оставалось в нём величие одного из валар, хотя было оно обращено в ужас, и всех, кроме сильнейших, пред лицом его охватывал чёрный страх и лишал воли.

Когда стало известно, что Моргот бежал из Валинора и погоня за ним не принесла успеха, валар долго сидели в Кольце Судеб, а майяр и ваньяр стояли там же и плакали; большинство же нольдор вернулись в Тирион и плакали там, ибо затемнён был их прекрасный город. Через сумеречную Калакирию с Затенённых морей на город плыли туманы и окутывали башни, и еле пробивался сквозь них свет маяка Миндон.

Вдруг в городе появился Феанор и стал звать всех к королевскому двору на вершине Туны. Он всё ещё не был прощён, и нельзя ему было являться из изгнания, этим он возмутил валар. Но на холме быстро собралось великое множество народу, все хотели услышать, что он скажет. Каждый нёс в руке факел, и так осветились все улицы и лестницы, ведущие вверх. Феанор был мастером речей, великую власть имели его слова над сердцами слушающих, если хотел он склонить их на свою сторону. В ту ночь страшны были его слова, полны гнева и гордыни. И обезумели нольдор, слушая их, и навеки запомнили ту его речь. Его гнев и ненависть направлялись больше всего против Моргота, но почти всё, что говорил он, так или иначе исходило из

лживых речей самого Моргота. И огромно было его горе, ведь отец его был убит, а Сильмарилы похищены. Обращался он ко всем нольдор как к родичам и соплеменникам, и обращался как вождь, ибо Финвэ был мёртв. И с презрением говорил Феанор о решениях валар.

– Нольдор, народ мой! – восклицал он. – Доколе будем мы служить завистливым валар, которые даже в собственной стране не смогли охранить нас от своего Врага? Ныне он Враг им, но разве он не из них? Не из их племени? Сегодня меня привела сюда жажда мщения, но даже будь всё иначе, не стал бы я дольше жить в одной земле с соплеменниками убийцы отца моего и похитителя сокровища моего. Не один я смел, я ведь сын храброго племени. Я потерял отца, но разве не потеряли мы все своего Короля? А что ещё вы не потеряли, загнанные на узкую полоску земли между горами и морем? Был здесь свет, который валар, скупясь, скрыли от Среднеземья, сейчас всех нас сравняла темнота. Так что же, оставаться здесь навсегда, в тени, в туманах лить слёзы в безжалостное Море, горевать в бездействии? Или вернуться домой? Туда, где под ясными звёздами сладка вода в Куивиенэне, где можно бродить в широких просторах и быть свободными, где тихая земля ждёт тех, кто по безрассудству покинул её! Уйдём отсюда! Пусть трусы остаются стеречь этот город и содержать его в порядке!

Долго говорил он, убеждая нольдор последовать за ним и собственной доблестью отвоевать свободу и большие земли на востоке, пока не поздно. Эхом повторял он речи Мелькора о том, что валар их обманули и будут держать в плену, чтобы на земле правили люди. Многие эльдар тогда впервые услышали о Придущих Потом.

– Далека и трудна будет дорога, но хорошо нам будет в конце её! – восклицал он. – Проститесь с рабством! Но проститесь и с покоем! Проститесь со слабостями! Проститесь со своими сокровищами – мы добудем больше! Отправляйтесь в путь налегке, но возьмите мечи! Ибо пойдём мы дальше, чем ходит Оромэ, и в пути нам придётся выдержать больше битв, чем выдержал Тулькас. Мы не отступим. За Морготом до края земли! Перед нами война и неумирающая ненависть. Но когда мы победим и добудем Сильмарилы, то мы и только мы станем обладателями незапятнанного Света и хранителями красоты и блаженства на Арде. Ни одно племя не превзойдёт нас!

И поклялся Феанор страшной клятвой. Семеро его сыновей подскочили к нему и дали такую же клятву, вместе обнажив мечи. Красным, как кровь, отразился в них свет факелов. Поклялись они клятвой нерушимой, обрекающей преступившего на вечный мрак; клятвой, от которой нельзя освободить даже именем Илюватара. Призвали они в свидетели Манвэ и Варду, и священную гору Таникветиль, поклялись до конца мира ненавидеть и преследовать любого вала, демона, эльфа, и ещё нерождённого человека, и любую тварь большую или малую, добрую или злую, которая посмеет прикоснуться к Сильмарилам, или завладеть ими, или украсть их.

Так клялись Маэдхрос и Маглор, Келегорм, Куруфин и Карантир, Эмрод и Эмрас, князья нольдор. И многие трепетали, слыша страшные слова. Ибо такая клятва связывает поклявшегося на всю жизнь, и того, кто во зло или ради добра нарушит её, кара будет преследовать до конца мира.

Фингольфин и сын его Тургон поспорили с Феанором. Прозвучали тут горячие слова, и дело снова чуть не дошло до мечей. А Финарфин говорил, как обычно, мягко и пытался успокоить нольдор, убеждая их не спешить и подумать, прежде чем совершить непоправимое. Ородрет, единственный из сыновей его, говорил так же. Финрод примкнул к другу своему Тургону. Но Галадриэль, единственная женщина из нольдор, храбро стоявшая между спорившими князьями, захотела покинуть Аман. Высокая и смелая, она не давала клятв, но слова Феанора о Среднеземье загли ей сердце, и пожелала она увидеть просторы без границ и найти там землю, которой могла бы править по своему разумению. О том же думал Фингон, сын Фингольфина, прислушавшийся к словам Феанора, хотя и не любил он его, и сыновья Финарфина: Ангрод и Аэгнор, которые всегда держались рядом с Фингоном. Но они сохранили спокойствие и не произнесли ни слова против своих отцов.

Наконец, после долгих споров Феанор взял верх, и большинство собравшихся нольдор загорелись желанием увидеть новые земли и неизвестные страны. И когда Финарфин вновь завёл речь о том, чтобы подумать и подождать, поднялся шум и общий крик:

– Нет! Идёмте, не медля!

И тут же Феанор с сыновьями начал готовиться к походу. Мало что могли предусмотреть те, кто осмелился вступить на этот мрачный путь. Всё делалось в страшной спешке, ибо Феанор подталкивал их, опасаясь, что сердца их остынут, его слова потускнеют и они прислушаются к иным советам; как бы самоуверен ни был он, о силе валар не забывал. Но из Вальмара вестей не было, и молчал Манвэ. Он не хотел ничего запрещать и не хотел мешать Феанору, ибо всех валар огорчило обвинение в преступных намерениях по отношению к эльдар, которых они вовсе не собирались держать в плену против воли. И они выжидали и наблюдали, ещё не веря, что Феанор сможет подчинить своей воле столько нольдор, чтобы собрать войско.

В самом деле, когда Феанор объявил поход и стал командовать племенем нольдор, начались несогласия. Ибо хоть Феанор и склонил толпу к походу, далеко не все хотели видеть его королём. Финголфина с сыновьями любили больше, и все челядинцы и родичи Финголфина и большая часть жителей Тириона склонны были объявить королём его, если он пойдёт. Кончилось тем, что нольдор разделились, и в трудный путь вышло два войска: впереди отряды Феанора и его приспешников, а позади гораздо большее войско нольдор, которых вёл Финголфин. Он пошёл вопреки голосу разума, его уговорил сын его Фингон, и не хотел он разлучаться со своими соплеменниками, стремившимися в Поход, и не хотел отдавать их во власть Феанора. Не забыл он и слова, данного им перед тронем Манвэ. За Финголфином по тем же причинам пошёл Финарфин, хотя очень не хотелось ему идти. К тому времени в Валиноре жило уже много нольдор, они стали большим народом, и всего лишь десятая часть их оставалась: из любви к валар (и, конечно же, к Аули), из любви к Тириону и прекрасным вещам, созданным здесь; но ни один не остался из страха перед опасностями, которые могли ожидать их в пути.

Когда запела труба и Феанор вывел нольдор из ворот Тириона, явился, наконец, Посланный от Манвэ и сказал:

– Только от безрассудства Феанора хочу я вас уберечь. Не ходите за ним! В несчастный час вы вышли, и ждёт вас впереди горе, которого вы пока не видите. В этом Походе не будет вам помощи от валар, но и мешать вам они не будут. Знайте одно: свободно вы сюда пришли, свободно и уйдёте. Но ты, Феанор, сын Финвэ, уходишь в изгнание со своей Клятвой. Горько будет тебе узнавать, что ты повторил ложь Мелькора. Ты говоришь, что он – вала, тогда напрасно ты клялся, ибо ни теперь, и никогда потом не дано тебе победить никого из валар в пределах Эа, если только Эру, которого ты назвал, не сделает тебя втрое более могучим, чем ты есть.

Но Феанор засмеялся и обратился не к Посланному, а к нольдор, говоря:

– Ах вот как! Может быть, наши храбрецы пошлют в изгнание одного лишь наследника своего короля с сыновьями, а сами вернутся в рабство? А тех, кто всё же пойдёт со мной, я спрошу: вам предрекают горе? Но мы узнали горе в Амане. В земле Аман мы пришли к печали через блаженство. Теперь попытаемся пройти через беды к счастью, или, на худой конец, к свободе!

Потом, повернувшись к Посланному, вскричал он:

– Манвэ Сулимо, Верховному Королю Арды, скажи так: если Феанору не удастся сбросить Моргота, он хотя бы нападёт на него, а не будет сидеть сложа руки в печали. Может быть, Эру зажёт во мне более горячий пламень, чем ты думаешь. Я постараюсь нанести Врагу валар такой удар, что даже Великие в Кольце Судеб удивятся, услышав о нём. Да, так будет, и в конце они тоже пойдут за мной. Прощай!

Голос Феанора в тот час стал таким мощным и властным, что даже Посланный от валар поклонился ему, словно получил полный ответ, и ушёл. Нольдор же были покорены. И пошли они в поход: эльфы из Дома Феанора – впереди. Быстро зашагали они по берегу Элендэ, ни разу

не оглянувшись на зелёный холм Туну и высокий Тирион на нём. Войско Финголфина шло медленнее и не так охотно. Его возглавлял Фингон, а Финарфин и Финрод шли последними, в окружении многих благороднейших и мудрейших нольдор, и часто оглядывались они на свой прекрасный город, пока маяк Миндон Эльдалиэва не пропал в ночи. Они уносили в сердцах более крепкую память о потерянном блаженстве, чем остальные, а некоторые взяли с собой сработанные ими вещи – утешение и, вместе с тем, бремя в долгой дороге.

Феанор повёл нольдор на север, ибо первая его цель была – догнать Моргота. Кроме того, Туна у подножья Таникветилия находилась в средней полосе Арды, где Великий океан был безмерно широк, а Моря Разлуки на севере были узкими, и от пустыни Араман до берегов Среднеземья было не так уж далеко.

Когда Феанор немного поостыл и подумал, то увидел, хоть и поздно, что все выступившие в поход отряды никогда не преодолеют долгого пути к северу, а без кораблей не смогут переправиться через море, даже если дойдут. Нужен будет громадный флот, а на постройку его понадобится много времени и труда, да и найдётся ли среди нольдор достаточно умельцев в этом деле? И решил он убедить давних друзей нольдор, телери, присоединиться. В бунтовской гордыне подумал он, что от этого в Валиноре блаженства убудет, а его войско и боеспособность его для встречи с Морготом возрастёт. И поспешил он в Алквалондэ и обратился к телери с теми же речами, которыми убеждал своих соплеменников в Тирионе.

Но телери не вняли его речам. Огорчились они, узнав, что уходят их соплеменники и давние друзья, и охотнее бы отговорили их, чем взялись помогать. Не хотели они дать Феанору ни одной ладьи, ни помощи в постройке судов против воли валар. Они сами не мечтали о другой родине, кроме берегов Эльдамара, и не собирались менять вождя, а правил ими Ольвэ – князь Алквалондэ. Не слушал он Моргота, не приветал его в своих землях, верил, что Ульмо и другие великие из валар залечат раны, нанесённые Арде Морготом, и что после ночи придёт новый рассвет.

Страшно разгневался Феанор, боясь задерживаться, и резко говорил он с Ольвэ.

– В час нужды ты отказываешь нам в дружбе, – сказал он, – а сам охотно принимал нашу помощь, когда прибыл на эти побережья. Твои подданные – слабодушные бездельники, вы пришли с пустыми руками, и до сих пор жили бы в хижинах у воды, если бы нольдор не помогли вам возвести каменные стены и построить гавань.

Но ответил Ольвэ:

– Мы не отказываем в дружбе. Но друзья, наверное, должны указывать друзьям на ошибки. Когда нольдор приветливо встретили нас и помогли нам, ты говорил другое: «Будем мы жить вечно в земле Аман, как братья, чьи дома рядом». Что же до белых кораблей, ты их нам не давал. Искусству их строить научили нас не нольдор, а Владыки Морей; мы сами обработали белые доски, а паруса ткали наши жёны и дочери. Поэтому не дам я тебе ничего и не продам даже ради дружбы. Скажу я тебе, Феанор, сын Финвэ, что ладьи для нас – как для нольдор драгоценные камни. Сердцем делали мы их и повторить не сможем.

Расстался с ним Феанор и, сев под стенами Алквалондэ, погрузился в мрачные думы. Когда же подтянулось и собралось его войско, и решил он, что силы у него достаточно, пошёл он в Лебяжью Гавань и стал брать корабли силой. Телери сопротивлялись и сбросили многих нольдор в море. Тогда пошли в ход мечи. Жестокая битва началась на судах и на освещённых фонарями причалах и молах Гавани, и даже под воротами. Трижды отступали воины Феанора, и с обеих сторон много было убитых. Но тут передовому отряду нольдор помог Фингон, который подошёл с войском Финголфина, увидел, как падают его порубленные соплеменники, и

бросился в бой, не успев разобраться, в чём дело. Решил Фингон, и многие с ним, что телери по просьбе валар стараются помешать нольдор в походе и не пускают их.

Так были побеждены телери, и многие их мореходы, жившие в Алквалондэ, были подло убиты. Жестокость отчаявшихся нольдор телери встретили малым числом воинов, и луки у них были тоньше. Увели нольдор их белые ладьи, взялись за вёсла и поплыли вдоль побережья на север. А Ольвэ стал звать Оссэ, но Оссэ не пришёл, ибо валар запретили задерживать нольдор силой. Жена Оссэ Уинэн оплакивала мореходов телери, и Море само поднялось на обидчиков, так что многие их суда разбились и утонули плившие в них. О братоубийственном сражении в Алквалондэ рассказывается в плаче, который сочинил Маглор, этот плач называется «Нольдолантэ», Падение Нольдор.

Большая часть нольдор тогда всё-таки спаслась и после бури продолжала двигаться дальше, кто в ладьях, кто по суше. Путь был долог, и чем дальше, тем больше было на нём бедствий. Шли и шли нольдор в бесконечной ночи, и добрались, наконец, до северного края Бережённой земли, до холодной гористой пустыни Араман. И увидели вдруг тёмную фигуру на высоком скале, смотрящую на берег. Говорят, что то был не простой посыльный Манвэ, а сам Мандос. И раздался громовой голос, торжественный и грозный, приказывал он им остановиться и слушать. Остановилось всё войско, и все услышали то, что потом называли Северным Пророчеством и Приговором нольдор. Было это пророчество и проклятие.

Многие слова Пророчества были темны, и нольдор поняли их, лишь когда в самом деле стали беды сбываться, но Проклятие тем, кто не остался ждать прощения валар, поняли все.

«Слёзы несчётные прольются, валар оградят Валинор от вас и отделят вас от него, и даже эхо жалоб ваших не перенесётся через горы его. На Дом Феанора падёт гнев валар, и на всех, кто последует за Феанором с запада до дальнего востока, падёт он. Клятва поведёт их и предаст их, и вечно будут ускользать Сокровища, которые они поклялись вернуть. Добрые их начинания кончатся злом, ждут их предательства близких и страх предательства. Навеки Лишёнными быть им».

«Неправое братоубийственное кровопролитие запятнало землю Аман. Воздадите вы кровью за кровь, и жить вам за пределами Амана в тени смерти. Ибо назначил вам Эру не умирать своей смертью в Эа, и болезни не возьмут вас, но убиваемы будете: сражать вас будет оружие, гибнуть станете от мук и горя, тогда дух бездомный отлетит к Мандосу, долго жить у него и тосковать о телесной оболочке, и мало будет вам сострадания, хотя убитые вами станут молить за вас. Те же, что выдержат жизнь в Среднеземье и не придут к Мандосу, когда устанут от мира, изведутся от бремени его и станут теньями раскаяния, и сменит их молодое племя, Придущие Потом. Таково слово валар».

Многие заколебались. Но ожесточилось сердце Феанора, и оказал он:

– Мы поклялись, и легко от своих слов не откажемся. Клятву сдержим. Нам угрожают многие беды, измена не последняя из них. Одного в Пророчестве не было: бед от трусости. Страх, малодушие и боязнь малодушия нас не тронут. Потому говорю я: мы пойдём дальше. И добавляю к пророческим словам своё пророчество: подвиги наши проживут в песнях до последних дней Арды.

Но Финарфин в тот час отказался идти дальше и повернул назад, исполненный печали и обиды на Дом Феанора, ибо в дружбе был он с Ольвэ из Алквалондэ. Многие из его племени пошли за ним, проделали обратный путь в печали, пока снова не увидели в ночи далеко бьющий луч маяка Миндон на Туне и поняли, что вернулись в Валинор. Получили они прощение валар, и Финарфин был поставлен Королём нольдор в Благословенной земле. Но сыновья его не захотели бросить сыновей Финголфина, а сыновья Финголфина продолжали идти к неведомому, связанные родством и волей Феанора, страшась приговора валар, ибо были среди них виновные в братоубийственном кровопролитии в Алквалондэ. У Фингона и Тургона были

горячие сердца, и не любили они бросать начатое, будь что будет. Войско шло вперёд, и очень скоро Пророчество начало сбываться.

Нольдор дошли до северней оконечности Арды, увидели первые зубы льда, плавающие по морю, и поняли, что приближаются к Хелькараксу. Между землёй Аман, которая на севере изгибалась к востоку и берегами Эндора (или Среднеземья), которые здесь вытягивались на запад, сливались в узком проливе холодные воды Окружающего моря с волнами Белегаэра. Смертельно холодные туманы висели над заливом, горы скрежещущего льда громоздились там, на воде и под водой – таков был Хелькаракс, который пока никто не осмелился переходить, кроме валар и Унголианты.

Феанор остановился здесь, и нольдор стали держать совет, каким путём идти. Они уже сильно страдали от холода и устали от туманов, сквозь которые не проникали лучи звёзд. Многие жалели себя и проклинали выбранный путь, особенно те, кто пошёл за Финголфином. Феанора считали они виновником всех бед. Зная всё, что говорят о нём, Феанор собрал на совет сыновей. Два пути видели они из Арамана в Эндор: по льду пролива или морем на кораблях. Но поняли они, что Хелькаракс не проходим, а судов у них было слишком мало. Много ладей они потеряли в пути, все сразу переправиться никак не могли, и никто не хотел оставаться на берегу Западной земли, если другие поплывут: страх измены уже поселился в сердцах нольдор. Феанору и его сыновьям пришла в головы страшная мысль: захватить все корабли для своего войска и отплыть внезапно; после Битвы в Гавани команды на этих кораблях набирались из преданных Феанору победителей, и мореходы они были умелые.

Словно по желанию Феанора вдруг задул северо-западный ветер, и Феанор тайно взошёл на суда с теми, кого считал верными себе, и отплыл, оставив Финголфина в пустыне Араман. Море рядом с проливом было нешироким, поплыли они к юго-востоку, добрались без потерь до берегов Среднеземья и сошли на берег в устье длинного залива Дренгист в Дор Ломине. Вот так снова вступили нольдор в Среднеземье.

Когда же оказались они на берегу, старший сын Феанора Маэдхрос, который дружил с Фингоном до того, как ложь Моргота встала между ними, подошёл к отцу и сказал:

– Кого же из гребцов, и на каких судах пошлешь ты теперь назад, и за кем первым? За храбрым Фингоном?

Тогда захохотал Феанор, как безумный, и закричал:

– Никого и ни за кем! Те, кого я оставил на том берегу, для меня не потеря. Они оказались ненужным бременем в пути. Пусть те, кто меня проклинал, продолжают проклипать и хнычут, возвращаясь в клетки к валар! Сожгите ладьи!

Отшатнулся Маэдхрос и стоял один, в то время как по приказу Феанора горели белые ладьи телери. Так в месте, называемом Лосгар, в устье залива Дренгист в великом костре, в ярком и страшном пламени кончили свой путь прекраснейшие ладьи из всех, когда-либо бороздивших море. Издали увидели Финголфин и его соплеменники красное зарево под тучами и узнали о предательстве. Таковы были первые плоды братоубийственной резни и Приговора нольдор.

Страшным горем для Финголфина было то, что Феанор оставил его погибать в Арамане или со стыдом возвращаться в Валинор, но теперь он сильнее, чем когда-либо, захотел любой ценой добраться до Среднеземья и снова встретиться с Феанором. Долгий путь прошло его племя, но в трудах и страданиях закалилось и не растеряло смелости. Бессмертные дети Эру Илюватара были сильны, не успев ещё устать от жизни на земле. Их сердца пылали юной отвагой, их вели Финголфин с сыновьями, Финрод и Галадриэль, они уже дошли до сурового севера и не видели другого пути, как пересечь по льду ужасный Хелькаракс. И они выдержали. Подвигу того отчаянного перехода мало было равных деяний в последующей жизни нольдор. В этом переходе потерял Тургон жену свою Эленвэ, и много других погибло. Сильно уменьшилось племя Финголфина, когда вышло оно на твёрдую Внешнюю землю. Не питали любви

к Феанору и его сыновьям те, кто шёл теперь вслед за ними и чьи трубы запели в Среднеземье в первое новолунье мира.

Глава 10 О Синдар

Рассказывают, что к тому времени в Среднеземьи укрепились власть Эльвэ и Мелианы и все эльфы Белерианда, от мореходов Кирдана до бродячих охотников в Синих горах за рекой Гэлион, считали Эльвэ своим вождём и повелителем. Дали ему прозвание Элу Тингол, что на языке его племени означало Король Серый Плащ. А себя подданные его называли *синдар*, Серые эльфы подзвёздного Белерианда. И хотя они были *мориквенди*, то есть Тёмные эльфы или Эльфы тени, стали они красивейшими, мудрейшими и искуснейшими во всём Среднеземье, управляемые Тинголом и научаемые Мелианой. В конце первого века пребывания Мелькора в цепях, когда был мир на Арде и неомрачённое блаженство в Валиноре, явилась в мир Лютиэнь, единственное дитя Тингола и Мелианы. Большая часть Среднеземья пребывала во сне, в который погрузила его Йаванна, но в Белерианде властью, данной Мелиане, цвела жизнь и радость, и серебряными огнями светили звёзды. В лесах Нельдорет родилась Лютиэнь, и *нифредилы*, белые цветы, вышли встретить её, как звёзды земли.

Второй век сидел Мелькор в плену, когда в Белерианд с Синих гор пришли гномы. Себя они называли *казад*, а синдар звали их *наугримы*, или Низкорослые, и *гонхирримы*, Мастера камня. Далеко на востоке были древнейшие жилища наугримов. В восточных склонах Эред Луин вырыли они себе большие залы и дворцы, и целые города, называвшиеся на гномьем языке Габилгатол и Тумунзахар. Эльфы называли Габилгатол – Белегостом, или Большегородом, Миклагардом, он был севернее горы Долмед, Мокрая Голова. Тумунзахар находился южнее, эльфийское имя ему было Ногрод, или Полая Гора. Самым большим поселением гномов был Казад Дум, Гномьи Копи, по-эльфийски Хадодронд. Потом, когда Тьма затопила Хадодронд, его называли Мория. Гномьи Копи были далеко в Мглистых горах, многие гоны Эриадора отделяли их от Моря, и до эльдар о них доходили лишь слухи со слов гномов из Синих гор, от которых они узнали это название.

Из Белегоста и Ногрода первые гномы пришли в Белерианд, и удивились эльфы безмерно, ибо считали себя единственными жителями Среднеземья, умеющими говорить и работать руками. До сих пор вокруг них жили лишь звери и птицы. Ни одного гномьего слова эльфы не поняли, нескладным и неприятным показался им язык низкорослого племени, и очень немногие эльдар научились его понимать. Но гномы умели быстро учиться и выучиваться, и гораздо охотнее узнавали язык соседей, чем раскрывали им секреты своего собственного. Скоро они заговорили по-эльфийски. Эльфы почти не ездили в Ногрод и Белегост, только Эол и сын его Маэглин бывали там охотно. Гномы же в Белерианд ездили часто и проложили хорошую дорогу от Синих гор мимо горы Долмед, вдоль реки Аскар до реки Гэлион и через неё. Переправа через Гэлион стала называться Каменный брод, Сарн Атрад, там впоследствии произошла битва.

Большой дружбы между наугримами и эльдар никогда не было, а польза от согласия племён была взаимной. Король Тингол привечал гномов, и время раздоров ещё не пришло. Позднее, однако, наугримы охотнее всего дарили свою дружбу племени нольдор, выделяя их из всех эльфов и людей; они ведь очень любили и почитали Аули и превыше всех сокровищ ценили драгоценные камни, а нольдор умели гранить их. На погруженной во тьму Арде гномы делали удивительные вещи. С первых дней своего появления гномьи отцы и их дети умели

обращаться с металлом и камнем; причём в ту раннюю эпоху они больше любили железо и медь, чем серебро и золото.

Прозорлива была Мелиана, как все майяр. Когда прошёл второй век пленения Мелькора, предсказала она Тинголу, что мир на Арде не сохранится навечно. И задумался он над тем, как построить себе дворец, чтобы был он крепок и выдержал возможные нападения, если зло снова проснётся в Среднеземье. Совета просил он у гномов Белегоста, и гномы охотно ему помогли. Гномье племя было ещё молодо и не устало от бед; работать гномы любили, и хотя всегда требовали плату за свои труды, независимо от того, с радостью работали или без неё, в тот раз они сочли себя должниками и платы не взяли. Мелиана ведь многому научила их, а Тингол уже одарил их многими прекрасными жемчужинами, которые вручал ему Кирдан, ибо жемчуг в большом количестве добывался на мелководье у острова Балар, и гномы такого жемчуга раньше не видели и очень высоко ценили. Была там одна жемчужина размером с голубиное яйцо, она матово светилась, как звезда, окутанная пеной морской, называли её Нимфелос, и вождь гномов Белегоста ценил её дороже горы сокровищ.

И вот наугримы с удовольствием потрудились для Тингола и построили ему чертоги глубоко под землёй, как привыкли строить для себя. Долго они работали. Там, где стекала с вершин Эсгальдуна, отделяя леса Нельдорет от Региона, стояла в лесу скалистая гора, и речка бежала у её подножья. В той горе над рекой гномы сделали ворота во дворец Тингола, построили к ним каменный мост, так что лишь один вход был туда – по мосту через реку. А под горой прорубили множество ходов, высекли в живом камне коридоры и высокие залы, и столько их было, что дворец получил имя Менегрот, что означает Тысяча Пещер.

Эльфы работали на строительстве дворца вместе с гномами и украсили его изображениями видений Мелианы, изумительных картин далёкого Валинора. Каждый из них изображал красоту по-своему, и было это удивительно прекрасно. Колонны в Менегроте были похожи на буки Оромэ, их стволы и ветви с листьями освещались золотыми светильниками. Соловьи пели там, как в садах Лориэна; были в том дворце серебряные фонтаны, мраморные бассейны и полы из многоцветных камней. Резные фигуры зверей и птиц бежали и летели по стенам и выглядывали из каменных ветвей и цветов под потолками. А со временем Мелиана и её девушки повесили в залах тканые и вышитые полотна, рассказывающие в картинах о деяниях валар и многих событиях, происходивших на Арде с самого начала, и тенями были вытканы на них картины ещё не сбывшихся, но предсказанных дел. Был это красивейший королевский дворец на востоке от Моря.

Когда кончилось строительство чертогов Менегрота, в государстве Тингола и Мелианы был мир, и наугримы продолжали приходить с гор и путешествовать по стране, только в Фалас на побережье они забредали редко, ибо боялись Моря и не любили его голосов. А из остального мира вести в Белерианд тогда не приходили.

Пошёл третий век пленения Мелькора. В это время забеспокоились на Арде гномы. Они пришли к королю Тинголу и сказали ему, что валар искоренили не всё зло на севере и что там во тьме оно снова множится и расползается по земле.

– Страшные твари появились на востоке от гор, – сказали они. – Твои соплеменники, с древности, жившие там, бегут с равнин в горы.

Зловредные твари добирались уже до Белерианда, приходя горными тропами с севера и тёмными чащобами с юга. Среди них были волки и были чудища, похожие на волков, порождения Тьмы, в тени живущие, и первые *орки*, племя, которое позднее принесло огромные бедствия Белерианду. Но орков пока было мало, они были ещё трусливы и только вынюхивали дороги и тропы, ожидая возвращения своего Властелина. Эльфы тогда ещё не знали, что это за племя и откуда они взялись, и возможно, принимали их за авари, одичавших в суровом мире. Говорят сейчас, что были они недалеко от истины.

Тингол стал думать об оружии, которое до сих пор не было нужно его племени. Первое оружие для эльфов изготовили в своих кузницах гномы, великие мастера оружейного дела. Никто не превзошёл оружейников Ногрода, из которых первым был Телхар-кузнец. Воинственным народом были в древности все наугримы, яростно дрались они с любыми обидчиками, будь то слуги Мелькора, эльдар, авары, дикие звери или даже собственные соплеменники, гномы из других городов, подчас не ладившие с соседями. Кузнечному делу синдар у гномов научились, но в закалке стали даже нольдор не достигли того, что умели низкорослые, а в изготовлении кольчужных колец и плетении кольчуг гномьи кузнецы из Белегоста как были, так и остались непревзойдёнными. Кольчуги ведь – их изобретение.

Синдар с помощью гномов отлично вооружились, выгнали всех зловердных тварей со своей земли и снова зажили в мире. А оружейни Тингола оказались завалены боевыми топорами, мечами и копьями, высокими шлемами и длинными кольчугами и панцирями. Гномьи кольчуги от времени не ржавели и сияли, как новые, даже через много лет. И это всё в будущем очень пригодилось Тинголу.

Рассказывают, что некто Ленвэ из подданных Ольвэ отделился от эльдар в то самое время, когда телери задержались у берегов Великой Реки на границе Западного Среднеземья. Его и тех, кого увёл он вниз по реке, называли *нэндор*, или Вернувшиеся. Известно о них мало. Некоторые из них так и остались жить в лесах близ Великого Андуйна. Некоторые дошли до его устья и поселились на морском берегу, а часть свернула в Белые горы Эред Нимрас, затем ушла от них на север и оказалась в Эриадоре между хребтами Эред Луин и далёкими Мглистыми горами. Было то лесное племя, великий страх вселяли в них зловердные твари, проникавшие в леса с севера, а железного оружия у них не было. Король Тингол узнал о них от наугримов, приходивших в Менегрот. Когда же Дэнетор, сын Ленвэ прослышал о великом могуществе Тингола и о его мирном королевстве, то собрал всех своих подданных, кого сумел, и привёл через горы в Белерианд. Тингол встретил их дружелюбно, как встречают родичей, долго считавшихся пропавшими, и стали они жить в Оссирианде, Земле Семи Рек.

О том, как проходили долгие годы мира и благоденствия в королевстве Тингола после прихода Дэнетора, почти не сохранилось легенд. Говорится, что в те дни менестрель Дээрн, великий знаток преданий при дворе Тингола, изобрёл руны. Наугримы, приходившие к Тинголу, тоже их выучили и оценили даже выше, чем соплеменники Дээрна, *синдар*. Наугримы перенесли *кирт* через горы на восток и показали многим племенам, но синдар им редко пользовались; до Большой Войны они почти не вели записей, а то, что хранилось в их памяти, погибло вместе с ними в руинах Дориата. О блаженстве и радости, пока они делятся, говорят мало. Пока прекрасное и удивительное радует глаз, оно говорит само за себя. Лишь когда всё это разрушается, гибнет и пропадает навеки, начинаются песни.

В те дни в Белерианде бродили эльфы, текли реки, сияли звёзды и дарили аромат ночные цветы, красота Мелианы достигла полудневого расцвета, а для красоты Лютиэнь начиналось весеннее утро. Король Тингол на троне подобен был властителям майяр, чьё могущество спокойно и благостно. Чьё дыхание – радость, чья мысль свободно и бестревожно проникает всюду от глубин до высот. По горам Белерианда иногда проносился вихрем великий Оромэ, гул его рога раскатывался под звёздами, и эльфы боялись его могучего вида и грома копыт Нахара, но когда эхо Валаромы разносилось в горах, знали они, что все злые силы бегут от него, и уже нет их близко.

Годы шли. Близился конец блаженству, полдень Валинора постепенно переходил в сумерки. Как всем известно из книг и песен, Мелькор, взяв в помощь Унголианту, убил священные Деревья валар и бежал, и вернулся в Среднеземье. На дальнем севере между Морготом и Унголиантой произошла схватка, и так страшно кричал тогда Моргот, что эхо его крика разнеслось по всему Белерианду, и населявшие его народы задрожали от страха, ибо услышали в нём зов Смерти, хотя не могли знать точно, что предвещает он. Вскоре после того Унголианта бежала с севера, добралась до владений Тингола, и ужас Мрака пришёл туда с ней. Мелиана своей властью сумела не пустить её в Нельдорет. Долгое время паучиха скрывалась в тенях под южными обрывами гор Дорфониона, и получили те горы прозвание Эред Горгорот, Горы ужаса. Все боялись даже подходить к ним – живую жизнь и свет там душили неведомые силы, и вся вода была отравлена. Моргот же, как уже говорилось, вернулся в Ангбанд, заново его отстроил, и дымящиеся башни Тангородрима поднялись над Чёрными Вратами Врага, от которых до Менегрота было пятьдесят гонов и сто, а это и далеко, и близко.

На земле во тьме множились орки. Стали они сильными и свирепыми, Чёрный Властелин наделил их жадой убийств и разрушений. В клубах дыма, которые выпускал Моргот, выходили они из врат Ангбанда и тайно пробирались в северные горы. Наступил день, когда большое орчье войско вдруг вошло в Белерианд и напало на короля Тингола. В ту пору многие эльфы свободно бродили по диким лесам и жили отдельными родами далеко друг от друга. Только близ Менегрота в середине земли и на побережье Фалас у Кирдана в стране мореходов население было многочисленным. Орки двинулись к Менегроту со всех сторон, из восточных лагерей между Келоном и Гэлионом, с западных равнин от Сириона и Нарога, и отрезали Тингола от Кирдана, жившего в Эгларесте. Тингол призвал на помощь Дэнетора. Из Региона, что за Аросом, и из Оссирианда пришли эльфийские войска, и произошла Первая битва Белериандских Войн. Восточное войско орков было взято в клещи армиями эльдар севернее Стены Андрам, на полпути от Ароса до Гэлиона, и полностью разгромлено. Врагов, бежавших с кровавого поля на север, настигали топоры наугримов, вышедших из горы Долмед. Почти никто не вернулся в Ангбанд.

Но победа досталась эльфам дорогой ценой. Легко вооружённые воины из Оссирианда были гораздо слабее орков, одетых в железо и вооружённых длинными копьями с плоскими наконечниками. Дэнетора с ближайшими его родичами отрезали от войска и окружили на горе Амон Эреб. Все они погибли. Тингол не успел подойти к ним на выручку. Он жестоко отомстил за Дэнетора, напал на орков с тыла и убил их множество. Там, где он прошёл, остались горы мёртвых врагов. Подданные Дэнетора горько его оплакивали и не стали выбирать нового короля. После битвы некоторые из них вернулись в Оссирианд и так напугали соплеменников своими рассказами, что те перестали выходить из лесов и никогда больше не участвовали в открытых боях, а прятались. Стали они называться Зелёными эльфами, *лаиквенди*, ибо одежду носили цвета листьев. А остальные перешли в королевство Тингола и смешались с его народом.

Когда Тингол вернулся в Менегрот, то узнал, что западное войско орков побеждает и теснит Кирдана к берегу моря. Тогда Тингол отозвал всех, кто мог слышать его призыв, в Нельдорет и Регион, под защиту лесов, а Мелиана своей силой воздвигла вокруг них невидимую стену, Пояс тени и замешательства, или Пояс Мелианы, преграждавший путь всем, кого не хотели пускать в своё государство она и Тингол. Прорвать его могла лишь воля сильнее воли майя Мелианы. Землю, окружённую этим Поясом, которая долгие века называлась Эгладор, стали называть Бережённым Королевством, Дориатом. Был теперь вокруг него настороженный мир, а в соседних землях – великий страх и гибельные опасности, и слуги Моргота ходили по всем землям, кроме Дориата и скрытых за крепкими стенами гаваней Фаласа.

Но ни Моргот у себя в подвалах, ни Мелиана в Менегроте, и никто в Среднеземье ещё не знал, что к ним скоро придут новые вести, и не мог их предвидеть, ибо после гибели Двух Деревьев, из земли Аман вести не доходили ни через посланцев, ни через видения во сне, и духи оттуда не являлись. А в это самое время Феанор уже переплыл море на белых ладьях телери и, высадившись в заливе Дренгист, жёг суда в Лосгаре.

Глава 11

О Солнце, Луне и сокрытии Валинора

Рассказывают, что после бегства Мелькора валар долго сидели без движения на тронах в Кольце Судеб, но не праздно, как в недомыслии своём заявил Феанор. Ибо валар могут больше сделать мыслью, чем руками, и держать совет и беседовать друг с другом могут молча. Сидели они, как бдительные стражи, в ночи Валинора и направляли мысли далеко за пределы Эа и к Последним Пределам; но ни власть, ни мудрость не утешили в горе знавших, что Зло продолжает действовать. И скорбели они о помрачении Феанора не меньше, чем о смерти Деревьев, ибо из всех деяний Мелькора было в том злейшее зло. Был Феанор могуч телом и разумом, был он рождён красивейшим и мудрейшим из всех Детей Илюватара, равно превосходил их в тонкости мысли и ловкости искусных рук, и светлый огонь горел в нём. Не случись того, что случилось, он мог бы создать удивительнейшие вещи во славу Арды, которые лишь он сам и Манвэ могли задумать и до конца постичь. Те ваньяр, которые были у валар на совете, когда посланные принесли Манвэ ответы Феанора, говорили, что Манвэ, услышав, заплакал и опустил голову. Но на последних словах Феанора о том, что ни одно племя не превзойдёт нольдор и будут они прославлены в песнях вовеки, он поднял голову, словно услышав голос издалека, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.